

БОГИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

ЛЕГЕНДЫ И БОГИ

ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Александра Ивановна Баженова

Легенды и боги древних славян

Серия «Боги древних славян»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6055866

Легенды и боги древних славян / Александра Баженова: Алгоритм;

Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0351-7

Аннотация

Эта книга – первая наиболее полная реконструкция мифологии, верований и образа жизни древних славян в соответствии с историческими источниками. «Религиозные основы», которые сейчас преподают в школах, – это не национальные основы, а основы авраамических религий. Об изучении русской народной культуры, славянского мировоззрения, древней веры славян и русских речи не идет. Такой вопрос даже никогда не рассматривался. В этом смысле данная книга уникальна. Она политизирована в смысле русского патриотизма и бесценна в деле развития национального самосознания. Книга информационно насыщена, полна новизны информации, написана ярким и понятным языком, ориентирована на широкий круг читателей, желающих знать правду о вере, мировоззрении, истории своих предков.

Содержание

Вспомянем наших богов!	4
Список основных сокращений, принятых в словаре	77
Реконструкция славянской мифологии по индоевропейским источникам	85
Словарь	85
А	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александра Ивановна Баженова Легенды и боги древних славян

Ничто и никто на свете, никакая партия или религия не имеют права нарушать Божественный порядок и желать сделать всех людей одинаковыми, лишить их национальной индивидуальности.

В. Ларионов

*Вторично рожден приобщенный к познанию:
Становится дваждырожденным по званью, А
кто пребывает в незнание дремотном – Среди
человечества равен животным.
«Махабхарата», глава «Сожжение змей»*

Вспомянем наших богов!

Люди с незапамятных времен чувствовали: есть **реальный** мир – леса, поля, звери, люди, а есть мир мыслей, мечтаний, желаний, знаний (понимания посредством наблюдений и анализа), воображений, предположений, прозренийдо-

гадок – психический и духовный тонкий мир. Именно в нем живут и действуют боги, духи, предки. Это тоже реальность, но **другая реальность**. Другая, вторая реальность сильно действует на первую, изменяет ее. Люди понимали: если не появится некий императив в этой второй, но, возможно, высшей, не до конца познанной и не всегда понятной, реальности, то не произойдет необходимых жизнеобеспечивающих или жизнесберегающих изменений. Например, внезапно не ударит молния именно в это дерево (в лесу или в поле), и лес (или поле) не загорится, уничтожая живое, урожай и людей (или не загорится именно здесь). Люди сами дошли до мысли, что можно и нужно как-то взаимодействовать с высшей непознанной духовной реальностью с помощью мыслей, мечтаний и прямых просьб (молений, заклинаний). Они обращались душой непосредственно к Богу и его соратникам-посредникам (их называли богами); духам или душам стихий, растений, животных; душам предков. Взаимодействия иногда были успешными (или люди так думали). Во всяком случае, они вносили уверенность (или хотя бы большую долю уверенности) в понимание природы, космоса, вносили гармонию и спокойствие (хотя бы относительные) в жизнь древних людей.

Наши предки всегда знали, что Бог **един** (хотя у него много имен), но также знали они и то, что Бог – **во всем**. Природа существовала как собиратель того, в чем надо уважить Божий Дух. Поэтому для предков естественно было

все обожить. Явления высшего порядка – небо, солнце, месяц, звезды, огонь, воздух, землю, воду, гром-грозу, время, вечность; «подземное царство». Земные пространства – реки, горы, поля, леса; дух, душу, стихии, день, ночь и т. д. Этот ряд великолепно обширен. Так происходило потому, что пращуры были люди, рожденные из лона природы; верили в тесное родство с окружающей природой, космосом. Детям и имена давали природные: Волк (Вук), Медведко, Сокол, Конь, Кобыла, Ива, Дуб. Все **обоженные** явления именовались, потому что протоиндоевропейцы верили: существует только то, что имеет имя. Через имя его носитель приобщается к существованию, оно является неким внутренним качеством. Дать имя – значит создать его носителя. Космические явления нередко назывались именами богов; были самими богами (Дажбог, Стрибог, Белбог, Чернобог, бог Перун, бог Велес) или имели своих духов-покровителей (как в случае с явлениями природы: дух реки и других пресноводных источников – криве, дух леса – леший и так далее). Обожествлялись благодатные места земли.

Народное мировоззрение наполнено непостижимым опытом осмысления и прочувствования тонкого мира. Предки индоевропейцев уже в далеком прошлом постигли многое из того, что фундаментальная наука считает своим новейшим открытием. Например, они поняли: единая всепроникающая нить незримо связывает все малое и великое, землю и небо, человека и природу; воспринимая мир, человек

невольно воспроизводит мироздание в себе, находясь в то же время внутри мироздания. Комплекс представлений о душе и духовных сущностях – важное открытие наших прапращуров. Соотношения смерти и бессмертия, бренности тела и нетленности духа – эти, сформировавшиеся в далеком прошлом, понятия оказали влияние на сознание последующих поколений, последующих религий, даже на мировоззрение атеистов. Боги и духи предков – наша внутренняя защита и канал связи с космосом, природой. Необходимо преодолеть пренебрежение древнейшей историей, мировоззрением славян и полное небрежение к ним.

Что характерно, наиболее известные, изученные мифологии Европы – греческая и римская. А *народы большей половины Европы – славяне* – историками представляются как бы пришедшими неизвестно откуда, не имеющими никаких исторических прав, случайным сочетанием этнических групп. Никто «не видит» устойчивое во времени, однородное генетическое ядро славянского этноса, схожесть традиций, поразительную сохранность на протяжении тысячелетий единого антропологического типа славян. Термин «славяне» появился в VI веке. Славяне считаются молодыми, поздними народами. А до VI века где они были? Где их прародина? Кто их предки?..

А их предки **всегда** жили в Европе.

Прародина индоевропейцев (по нескольким источникам, они находились там уже в период 80–60 тысяч лет до н. э., в

палеолите; по академику Рыбакову, они жили там 55–45 тысяч лет до н. э.; по другим источникам – 25 тысяч лет до н. э.) была за Полярным кругом и в периоды межледниковья имела благоприятный климат. Об этом писали: ученый-санскритолог Индии Б.Г. Тилак в книге «Арктическая родина в Ведах» (1903; перевод на русский язык – М., 2001); Е. Елачич в книге «Крайний Север как родина человечества» (СПб., 1910); У.Ф. Уоррен в книге «Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе» (перевод с английского – М., 2003); Н.Р. Гусева в книге «Русский Север – прародина индо-славов» (М., 2003) и другие. После наступления последнего ледника (около XVIII–XII тысяч лет до н. э.) пращуры индоевропейцев стали переселяться в южные широты: в Среднюю и Южную Сибирь, на Волгу, Дон, Днепр, Дунай, в Северное Причерноморье, Крым и так далее.

В мезолите (VIII–VI тысячелетиях до н. э., его называют и периодом перехода от конца палеолита к неолиту) индоевропейская праобщность еще жила бок о бок друг с другом. Венгерский археолог Я. Харматта пришел к выводу, что в V тысячелетии до н. э. произошло разделение: отделение балтов от основного тела индоевропейского народа. В IV тысячелетии до н. э. праэтнос славян и ариев жил на северо-западе Черноморского побережья. Культуре этого периода – триполью – уделили немало внимания академики Б.А. Рыбаков, О.Н. Трубачев, другие исследователи.

Исландский поэт-скальд Снорри Стурлссон (1178–1241),

автор Эдды Младшей, включавшей обзор мифологии и поэтики предков скандинавов, донес до нас древнейшее название Европы – **Энетия**, а один из заливов Балтийского моря – Поморский – назывался **Энетский**. С I по XII века Карпаты именовались **Венедские горы**. Это потому, что древнейшее из известных по письменным источникам самоназвание (этноним) праславян – **венеды** (смотрите, например, книгу словенца Йожко Шавли «Венеты: наши древние предки», М., 2003; А.В. Гуздь-Маркова «Индоевропейцы Евразии и славяне», М., 2004 и другие). **Венеды** навсегда остались на территории всей Европы, хотя чаще они, уже раздробленные по родам-племенам-народам, пользовались более поздними этническими самоназваниями: анты, русь, сербы, поляне и так далее.

Откуда варианты этнонимов: венды-венеды-венеты-энеты-инды (и – Индия)? Безусловно, от древнего бога энергии, магнитосферы, ионосферы и околоземных вод (в народе называемого бог грома и молнии, а по-ученому – громовержец) **Индры** пращуров индо-славов. Термин «индо-славы» санскритолога Р. Санкритьяяны из книги «От Волги до Ганга», 1953; о нем в книге Н.Р. Гусевой.

В I–VI веках венеты проживали на широком пространстве: от Центральной Европы (свидетельства Плиния, Птолемея, Юлия Цезаря) до северо-западного побережья Балтийского моря, которое современники называли **Венетским**. К востоку от Дуная в этот период появилось племя

антов, родственное, по мнению готского историка Иордана, западным венетам. Анты продвигались от Южного Буга до среднего течения Днепра, вошли в племена праруси.

Венеты – не современные славяне, а наши далекие предки – **изначально жили в Европе**. В течение тысячелетий они неоднократно перемещались с одного места (в той же Европе) на другое. Венеты были наследниками некоей древней цивилизации, возможно, Винчи, Аратты, легендарной Гипербореи. В эпоху бронзового века они уже имели развитую религию, культуру и экономику. В ходе экспансии венеты основывали на периферии протославянского мира города-колонии (Трою, Рим, Венецию, Винетту). Но именно к ним в метаисторическом плане восходит прямая генеалогическая линия славян. Разумеется, за тысячи лет наши предки неоднократно смешивались с соседними племенами, подвергались взаимовлиянию. Однако до нас дошло не только имя «венеты», но и многие характерные черты данной общности. Этноним «венеды» в живом употреблении современниками просуществовал до XII века, когда оставшаяся часть венедов – полабских славян (другие ветви венедов от этого этнонима отказались еще раньше в силу различных обстоятельств) – была захвачена воинствующими немецкими феодалами, католиками. Венеды частично были истреблены, часть сохранилась под названием «лужицкие сербы». Их потомки до сих пор живут в Германии, близ Мекленбурга и как могут борются за сохранение славянской культуры.

Единая космоцентричная вера индов (позже – шире индоевропейцев) существовала в Древнем мире от Англии до восточных границ Руси, от Европы до Ирана и Индии, от севера Евразии до севера Африки. Конечно, как и языковые диалекты индоевропейцев, она была неодинакова по регионам и векам. На севере больше ценили свет, солнце, выделяя мороз и долгую полярную ночь. На юге чаще поклонялись богам плодородия и лета. На севере совершенно неизвестен был южный бог Вулкан. Жившие у морей ценили Океан, Посейдона. Но это не значит, что, как уверяли невежественные христиане, предки поклонялись разным богам (в смысле не одной и той же системы). В разные времена (и по регионам) то одни, то другие боги были актуальнее, выдвигались вперед, чаще чествовались. В другие времена все менялось. Но система была одна. Едина.

Напротив, христиане, мусульмане, буддисты, иудаисты разделили народы по конфессиям и их сектам. Обвинить же в разъединенности, нарушении единства индоевропейцев и славян стараются единую дохристианскую веру.

С распадом (постепенным) древнейшей индоевропейской общности (в том числе и венедской) распались по этносам и древние верования прашуров. Н.Р. Гусева пишет: «...прослеживаемое большое число совпадений в древних религиозных представлениях славян... и верований арьев не встречается у других индоевропейских народов. И случайностью это считать никак нельзя».

Веды, безусловно, *начинали создаваться* еще на Русском Севере в период единства индоевропейских народов и отдавались на хранение уст жрецов. Не случайно в них вошли упоминания о зиме, снеге, льде, полярной ночи, полярном дне, северном сиянии, Полярной звезде, «теплом загоне» для скота и прочих приметах Севера, чего не было потом в Средней Азии, где веды продолжали дополняться, в Индии, где веды и другие предания индоариев были *лишь записаны* на санскрите. «Санскритологи всего мира сходятся во мнении, что санскрит появился на территории России. Из современных живых языков именно русский ближе всего к санскриту, и это также неоспоримый факт».

Поскольку веды *изустно* начали создаваться на Русском Севере в период праиндоевропейской общности, то целесообразно привлечь ведийские сведения о праотеческой природной религии для реконструкции любой из индоевропейских мифологий, в том числе и славянской. Такая реконструкция актуальна еще и потому, что сейчас охарактеризовать отдельные понятия славянской мифологии сколько-нибудь внятно уже трудно, так как народные представления утрачиваются, стираются (особенно многое утеряно во время советской интернационально-атеистической эпохи, равно глухой к религиям всех народов), но иное можно и нужно восстановить.

Переводчик «Ригведы» санскритолог Т.Я. Елизаренкова в статье «Ригведа» – великое начало индийской литерату-

ры и культуры» пишет: «...Некоторые неясные мифологические фигуры или немотивированные, казалось бы, черты ригведийских божеств расшифровываются из сопоставления с соответствующими персонажами других древних индоевропейских традиций (в том числе славянской и балтийской)». То есть оказывается, не только мы, реконструируя славянскую мифологию, можем и должны использовать древние индо-иранские источники, но и *наш* (славяно-русский) мифологический опыт помогает понять, к примеру, «Ригведу». Связь прослеживается по множеству деталей. Например, упоминаемый в «Ригведе» дух воды пресных источников **криве** достоверно известен в славянском и русском мире I тысячелетия н. э. как дух воды; как древний жреческий род пруссов и восточных славян, и как племя **кривичей**. В комментарии к этому тексту «Ригведы» ясно указано, что «криве – впоследствии этноним». То есть особо подчеркиваем: *и предки русских – герои «Ригведы» индийских арьев, бывших нам близкими родственниками (скажем, двоюродными братьями и сестрами).*

Во второй половине II тысячелетия до н. э. древние арии разделились на индийскую и иранскую ветви. «Авеста» создавалась еще на территории нашей страны и хранилась изустно, а затем была записана на древнеавестийском языке.

Кроме самого известного бога периода северной прародины в Приполярье – **Индры** – у протоиндоевропейцев были боги, заметно влиявшие на жизнь наших пращуров. В мире,

где полгода ночь, люди, изнуренные беспросветным мраком и страхом, что за ним не последует никакая заря, с большим напряжением ждали *света* (в котором позже был открыт необходимый для жизни гормон радости *серотонин*, регулирующий в том числе психику и обмен веществ в организме живых существ), молились о нем, призывали его появиться поскорей. Самыми долгожданнами тогда были **Ушас** – богиня рассвета года (а не рассвета дня, как мы теперь привыкли: ведь там и тогда ночь и день были – один год) и ее дети **Ашвины**.

Затем появлялось **солнце**, оно «стояло» в небе Приполярья полгода. Индра побеждал демона полярной ночи и полярной зимы Вритру, похищавшего (скрывавшего) солнце; освобождал реки ото льда, выпускал «облачных коров». Индра – первый на земле всадник на белом коне, убивающий змея-дракона; его древний образ обошел весь индоевропейский мир, привлечен и христианами в мифе о Георгии Победоносце.

Индра – мужественный, воинственный, победоносный, ему подчинялись стихии; ветры – его спутники; он сражался против демонов и чуждых индо-славам племен. С Индрой связана победа над хаосом ночи и торжество широкого светлого пространства, разумно организованного и культурно обустроенного, где царили плодородие, процветание, долголетие. Он давал богатство, покровительствовал музыкантам, певцам, сказителям.

Позже, когда индо-славы ушли из приполярных областей, а день и ночь из полярных (день и ночь – год) превратились в обычные сутки, – значение Индры, как бога всеохватывающего на земле, было снижено, он выполнял роль громовержца. В разных племенах славян и европейцев у него, как громовержца, были свои, местные имена: *Парджанья* (ведийский бог грозовой тучи и дождя; часто изображался как бык или жеребец, вкладывавший семя во все живое на земле), *Перун*, *Перкунас* (первый); *Зевс*; *Один* (первый, один) и так далее. У восточных славян его функции перешли **Перуну** (громовержцу).

В верованиях наших предков важны два момента.

Первый. Наши древние предки **верили в единого Богасоздателя**. Имя ему было БОГ (и множество эпитетов). Здесь нелишне обратиться к представлениям протоиндоевропейцев о Боге, отраженным в древнейшем памятнике письменности индоевропейских народов – ведах. В «Ригведе» есть два гимна, посвященных **единому Богу**. Один называется честно, откровенно, искренне «К неизвестному Богу»:

Вначале он возник как золотой зародыш.

Родившись, он стал единственным
господином творения.

Он поддержал землю и это небо...

Кто дает жизнь, дает силу, чей приказ

Все признают, чей (приказ признают) боги...

Кем грозно небо, кем тверда земля,
Кем установлено солнце, кем – небосвод,
Кто в воздухе измеряет пространство...
Кто был *единственным* богом над богами —
Какого бога мы почтим жертвенным возлиянием?

Эмоциональная напряженность стиха соответствует содержанию гимна, которое сводится к основному космогоническому вопросу: кто тот изначальный бог, который создал Вселенную? Этот бог явно отличается от известных богов пантеона РВ, он им предшествовал. Единый и единственный Бог родился в самом начале как золотой зародыш, дающий жизнь всему, что способно жить. Он создал все элементы Вселенной. Дал жизненную силу богам. В космическом смысле эти боги не творцы, они лишь олицетворение творения высшего порядка. Но в отношении земли и всего земного – сотворцы, соратники высшего бога, так как помогали рождению и процветанию жизни. Сложно. Но кто сказал, что вера древних индоевропейцев, в том числе и русских, была проста и примитивна.

Творец Вселенной стоял за пределами жизни и смерти, за пределами нашего существования и познания. Предки индо-славов несколько тысяч лет назад пришли к выводу (не декларируемому, а подразумеваемому), что Бог неназываем («неизвестен»). Этот непознаваемый вселенский Бог появился первым и стал отцом всех поименованных небесных-солнечных богов. Гимн к нему содержит более трех де-

сятков вопросительных местоимений, потому что протоиндоевропейцы не желали поступаться фактом правды ради красного словца, не желали вносить определенность в нечто неопределенное и неопределимое однозначно. Вот другой гимн Богу, которого «открыли мудрецы размышлением, ища в сердце (своем)»:

Не было не-сущего, и не было сущего тогда.
Не было ни воздуха. Ни небосвода за его пределами.
Что двигалось туда-сюда? Где? Под чьей защитой?
Что за вода была бездонная, глубокая?
Не было ни смерти, ни бессмертия тогда.
Не было ни признака дня (или) ночи.
Дышало, не колебля воздуха, по своему закону
Нечто Одно.
Мрак был сокрыт мраком в начале.
Неразличимая пучина – все это.
То жизнедеятельное, что было заключено в пустоту,
Оно Одно было порождено силой жара!
В начале на него нашло желание,
Что было первым семенем мысли.
Происхождение сущего в не-сущем открыли
Мудрецы размышлением, ища в сердце (своем)...
Далее боги (появились) посредством сотворения
этого (мира),
Так кто же знает, откуда он возник?
Откуда это творение возникло,
Было ли оно создано или же нет —

Кто надзирает за этим (миром) на высшем небе,
Только он знает или же не знает.

Это самый глубокий по своим мыслям космогонический гимн «Ригведы». Ставится вопрос о происхождении бытия из небытия, представляющем собой мистический процесс, который не предполагает участия бога-творца. Начало описывается апофатически как отсутствие каких-либо оппозиций: сущего – не-сущего, смерти – бессмертия, дня – ночи. Существовало лишь Нечто Одно, в котором была заключена сила развития, и оболочкой которому служила пустота (или некая материя, нам еще неизвестная). Для его развития необходим был жар желания, ставший «первым семенем мысли». Это дало толчок эволюции. За началом же сотворения мира если и следил некий «надзиратель», то еще не известно, знал ли он его тайну. Ясности в вопрос о Боге явно не внесено. Понятно, что Бог находился в области **особого существования**, несовместимого с обыденным. В этом же гимне предки даже не стремились назвать (значит познать) его имя. «Нечто Одно», «Оно Одно». Но слово «одно», на всякий случай, среднего рода (или нечто вообще не имеющее рода), так как Бог, вероятно, может оказаться и Богиней (мы до сих пор не знаем этого), произнесено. Все родилось, все произошло от **одного** Бога, даже боги и духи индоевропейцев.

Рыбаков писал: «Принятие христианства в качестве госу-

дарственной религии не означало полной и быстрой перемены образа мышления и образа жизни. Были учреждены епархии, построены церкви, общественные богослужения в языческих святилищах сменились богослужениями в христианских храмах, но серьезного перелома во взглядах, полного отказа от верований прадедов... не было. И не могло быть, потому что резкое противопоставление христианства язычеству, в качестве двух диаметрально противоположных друг другу систем, как противопоставление «света» «тьме», было не отражением реальной сути, а литературно-полемическим изобретением христианского духовенства, определенным миссионерским приемом. Язычество упрекали в многобожии, а христианству ставили в заслугу изобретение монотеизма. Но монотеизм начал возникать за несколько тысячелетий до первых христианских сочинений». А еще точнее было бы сказать, что монотеизм был в дохристианской вере всегда, наши предки его и открыли, но там его предпочли «не заметить».

В гимнах «Ригведы» есть мысль, взятая позже христианством, – «в начале было слово». Но не все знают, что столь часто цитируемая формула вторична, не точна по отношению к тексту самой породившей ее «Ригведы». В вышеприведенном гимне ясно сказано, что слову предшествовала *мысль*. Она существовала, когда еще не было языка и слова. Но и у «семени мысли» был родитель – *желание, порожденное «силой жара»* (чему посвящен гимн «Космиче-

ский жар»). Не случайно в «Ригведе» полубоги, рождающиеся из мысли богов, из жара желания, риши – рекущие – мудрецы и поэты. Названы по имени богини речи, красноречия *Рич*, в других местах вариант – *Вач*. И в русском встречается «речь», «речение», «изрекать», а иногда – «вякать». А рот поэтов – риши, смело изрекающий правду, Бог прочищал горящими углями, взятыми с жертвенника. Вот откуда библейский Серафим, прочищающий уста! Все взято! Схвачено! Но схвачено у наших праотцов, праотцов индоевропейцев.

Творец Вселенной был «по ту сторону неба и в глубине сердца» («Мага-Нарайяна-Упанишада»). Как говорится в одной «Упанишаде», Бог индоарийцев – Бог, «который никогда не может быть доказан». Следовательно, и к богу индоевропейцев, и к богу индо-славов это также относится. Хотя поэтическое мышление вокруг и около Бога создавало всевозможные гипотезы, версии, легенды. Именно трудность постижения запредельного побудила предков индоевропейцев обозначить, поименовать созданный Богом космос, который *только* материалистическим объяснением (например, науки, ученых) постичь невозможно (наши пращуры в этом нисколько не сомневались). Бог протоиндоевропейцев вовсе не был бог рабов (владевший душами рабов). Он был **Отец**, а вся цепь наших пращуров – его дети. Иногда Бог прямо обозначался прародителем народа. Например, русские в «Слове о полку Игореве» назывались «даждьбожьими внуками».

В то же время, справедливости ради следует сказать, что и

христианство не чистое единобожие (об этом подробно писал Косарев и другие). П.В. Киреевский приводит песню, бывшую, видимо, колядкой, но переделанную под рождественское прославление хозяев. Где **множество** христианских святых (каждому из них молились), покровительствующих разным сферам жизни:

Попаси же ему (хозяину),
Хлор, Лавер, лошадок,
Уласий коровок,
Настасей овецек,
Василей свинок,
Мамонтий козок,
Терентий курок,
Зосим Соловецкий пцолок
Стами рядами,
Густыми медами...

Вот вам и единобожие, вот вам и монотеизм!

Одна из главных трудностей изучения природной веры праславян и праиндоевропейцев в преодолении приверженности религиозно-философских мыслителей к библейским источникам, давно ставшим стандартом в вопросах изучения религий. Шаблоны, заложенные в Библии, не дают развиться свободной мысли, подавляя восприятие иных идей, не только обществом, но зачастую и учеными.

Еще пример преодоления шаблонов. Все хотят знать, кто

главный Бог славян? Ответ – **Бог!** – не устраивает никого как слишком простой. А как же Перун? Велес?.. – скажут вам. Но в космоцентричной религии древних славян нельзя выделять Первого, Второго (по значимости) бога, от этой удобной градации надо отказаться. Мир обожения был столь един и неразрывен, что в нем все было одинаково важно, все ценно. В традиционной религии славян **все** – и сам Создатель, и созданные им **боги, духи, обожествленные предки** – **были равноценны**, одинаково нужны, все они принадлежали одной целостной гармоничной системе. Искать меж богами славян иерархию – все равно что задать вопрос христианину, какой святой главнее или какая церковь главнее: Богородицкая, Михаилоархангельская, Никольская или Христорождественская?

М.Ф. Косарев пишет: «В отечественных религиоведческих трудах, энциклопедических словарях и философских справочниках язычество определяется как политеизм (многобожие). С таким постулатом трудно согласиться... Все не так однозначно. В язычестве... присутствует явный элемент монотеизма, а именно наличие в пантеоне главного небесного бога... В то же время такая, казалось бы, самая «неязыческая» религия, как христианство, буквально насыщена политеизмом. В разных жизненных и ритуальных случаях богобоязненный христианин обращается с молитвами и к Христу, и к Пресвятой Богородице, и к Николаю Угоднику, и к архангелу Михаилу, и к апостолам Петру и Павлу, и ко вся-

кого рода общехристианским и локальным святым, которые тоже являются богочтимыми лицами, способными влиять на судьбу людей.

Было принято молиться: во исцеление от недуга – великомученику Пантелеймону, при неблагополучии конного скота – мученику Флору, при засилье сельскохозяйственных вредителей – мученику Трифону и так далее. Наверное, можно согласиться с В.Г. Богораз-Таном, заметившим в этой связи, что христианство не привело к единобожию, а по сути дела, «просто заменило одно многобожие другим» (БогоразТан В.Г., 1928, 131)... Короче говоря, принцип многобожия и единобожия как критерий различения языческих и «неязыческих» религий, в сущности, не работает».

Все мы молимся о здоровье Пантелеймону целителю, Богородице и другим: в христианской мифологии эти покровители называются **святые**, хотя Бог и в них есть. В дохристианской вере главные творящие, созидательные помощные силы – **боги**. Но в христианской вере **много покровителей (святых) – хорошо**, а в дохристианской вере то же самое: **много святых покровителей (богов) – плохо**! Это не что иное, как двойные стандарты, используемые в политических целях, в борьбе с национальной, древней укорененной верой.

Второй главный момент. В дохристианской вере было две ветви веры: почитание богов и почитание предков, почитание Рода и народа, любовь к *своему* и *своему*. Эта вера неотделима от веры в Бога, здесь все перепле-

тено и взаимопроникает друг в друга. Тем не менее, у индийских арьев литургический возглас при принесении жертвы богам – «Свага!», а предкам – «Свадха!». Значит, древние различали в своей вере два важных течения. В «Ригведе» постоянно упоминаются два пути: **«путь богов»** и **«путь предков»**, **«путь отцов»**. Хотя есть в ведах и еще одно представление о «двух путях». Ведийские арьи считали, что тот, кто умирает в период от зимнего до летнего солнцестояния, во время возрастания солнца, – уходит к богам и никогда не возвращается, не возрождается на земле, боги его как бы увлекают по своему пути (пути богов). Тот, кто умирает от летнего до зимнего солнцестояния, во время убывающего солнца, – возрождается в других жизнях (путь предков). Поэтому у всех индоевропейцев в обычных обрядах был распространен обход (там, где он нужен) или хоровод *посолонь*; а в погребальных обрядах обход *против солнца*.

С принятием христианства **укрепилось только почитание Бога, мгновенно было отменено почитание предков** (зачем предки интернационалу?!). Почитание предков стало мелкоэпизодическим и осталось в незначительном объеме только потому, что крещенные индоевропейцы, а затем русские и славяне не желали поступаться памятью умерших предков, пренебрегать их помощью из духовного мира, они настойчиво отстаивали свое древнее право чтить умерших. Несмотря на христианские запреты «кликать умерших», «мертвым требы класть», – люди несли и несли, да-

вали и давали умершим запрещенную христианством еду (жертвоприношение), отправляли к предкам молитвы, выкликали их имена. Поэтому через века сопротивления христианство вынуждено было помянуть умерших в храмах, в том числе и принимать еду. Поминание едой действо дохристианское.

Бог создал *народы* и *национальности* – хорошо это или плохо, но именно так. Он не породил кастрированного «общечеловека» или «советский народ», «римский народ», «американский народ», «российский народ». Это поздние искусственные (противобожьи) людские создания. Скажите-ка что-нибудь «по-общечеловечески», «по-советски», «по-римски», «по-американски», «по-российски»... – ничего не выйдет! Любой интернационал говорит по-русски, поанглийски, по-французски... **Язык здесь через знак равенства с понятием Род.**

В образе **Рода** наши предки еще раз чтили Бога-создателя, уже не только всего сущего, но конкретно – человека и его продолжение в веках; как великого родича, старшего члена семьи. Сильный род – гарантия достоинства его членов. Символы Рода – фаллос, хер, яр (и их поэтические метафоры «буй», «тур») – также почитались. У русских сильного мужчину, вошедшего в пору половой и воинской зрелости, величали «яр-буй-тур!». Это всякий знает из «Слова о полку Игореве». А в Германии и доньше к женщине обращаются «фрау», а к мужчине – «хер», «герр».

Вера в предков включала в себя сложные поэтические космогонические обряды: принятие новорожденного, поименование, переход во взрослые (девицу, юношу, воина), свадьбу, похороны, поминания. А также гордость мудростью старцев, богатырями, героями, нравственной чистотой дев. Была своя этика, суровое воспитание, справедливое отношение друг к другу. Не приветствовалось пренебрежение к традициям, неуважение к предкам, несоблюдение этнической чистоты. Ведь именно в этносе, а не в индивидуальности, коренится столь могучая воля к жизни. Магическая сила духовной крови своего народа, сила этнической непрерывности способна пробудить древние благородные достоинства, этничность поведения, утрачивающуюся в результате ослабления самосознания в условиях современной деградации, вырождения.

Люди всегда заботились о памяти умерших родных. Им казалось, что пращуры могли бы помочь разобраться в настоящем и даже подсказать будущее, потому что им ведомо прошлое. Именно предки помогали понять: главное богатство человека – его народ.

Каким образом выражалась у наших древних пращуров вера-почитание-преданность Богу и предкам? Главное слово здесь, более всех и многократно обруганное, – **жертва**. Люди путем длительного наблюдения за живыми существами знали, что при зарождении жизни во многих случаях сперма (семя) «выстреливает» из семенника, словно происхо-

дит маленький взрыв. Коробочка цветка (шишка, другой семенник) взрывается, разрывается, и семена разлетаются повсюду, движимые инерцией маленького взрыва; зерно, яйцо разрывается, разрушается, давая жизнь. Они предположили, что и Вселенная создалась путем взрыва-разрыва какого-то непостижимо большого тела (семени, яйца). В ведах была отражена одна из легенд первотворения – о создании Вселенной и всего сущего из тела бога (которого узреть нельзя и который может принимать любые формы), находившегося во время творения в понятной всем ипостаси человека. Посанскритски человек – пуруша. Гигантский Пуруша, возвышавшийся над всей Вселенной, стал материалом для создания тварного мира. При разрыве или разрывании его одни части стали землей, воздухом, другие – растениями, зверями, человеком и их частями – глазами, руками, дыханием и прочим. Даже мысль, речь, гимны, напевы родились при разрыве Пуруши, родилась тогда же и идея жертвенности. При этом Бог-создатель Вселенной, пожертвовав частью себя, не стал ущербным, остался таким же непостижимо мощным, здоровым, бессмертным. Люди тогда еще ничего не знали об атомах, электронах, протонах, других частицах, их взаимодействиях и реакциях, о рождении материи, ее сохранении. Поэтому акт создания Вселенной из тела Пуруши люди сочли чудом жертвенности во имя жизни. В память об этой беспрецедентной жертвенности Бога было учреждено Богом-соратниками его и людьми **жертвоприношение**.

До сих пор считается обладающей непостижимой мощью жертва пращуров индоевропейских народов во имя Бога. Она была весьма разнообразной и многообразной. Чаще всего жертвовали **молитвами**, сильнейшие из которых – гимны солнечным богам и Роду (праотцам), прославляющие их деяния. Жертвовали пением, танцами, хороводами, венками; ветками священных деревьев вербы, березы, ели или сосны; цветами; ароматными курениями; кострами; огнем, водой, маслом, зерном (что переняла церковь); молоком; всем разнообразием урожая (и сейчас что-либо от своего урожая люди продолжают приносить в храм); изготавливаемыми мастерами и мастерицами предметами. Вся совокупность почитания богов и предков («отцов»), все ритуалы назывались **жертвоприношение**. Самая ценная, бесценная жертва – **жизнь**, и символ жизни – **кровь**. Причем жизнь имеется в виду в высокодуховном смысле и всей совокупности ее проявлений. Не физиологическое, как нас нынче приучили считать, действо убиения ценили дохристианские народы, а **высокое право и последнее право** жертвовать Богу и предкам-потомкам жизнь (кровь). Внутренний «храм» своего этноса присутствует в каждом человеке, если только этот человек бесконечными помесями крови не доведен до бесчувственного состояния, химерического сознания или растворения в других народах. В мире наших очень древних предков ценилась мысль об избранности не для власти, а для жертвы во имя кровных. Кровь – это дух! Порода! А этнос –

это кровь плюс нечто из более глубокого уровня, где индивидуальная жизнь соприкасается со сверхиндивидуальной. Это взаимопроникновение необходимо, чтоб иметь священную опору в изменчивом и неустойчивом мире.

Позже христианство приспособило мощное, благородное по внутренней сути, понятие жертвенности к своей мифологии и обрядам. Христианский интернационал, употребляющий символическое «тело» и «кровь» Христовы, перенял суть жертвоприношения. Мусульмане до сих пор режут жертвенного барашка и (в подражание иудаистам) жертвуют Богу крайнюю плоть мужчины, а григорианцы режут петуха. Однако несправедливо считается, что слова «жертва», «жертвоприношение», «жертвенность», «пожертвование», «пожертвовать» (дохристианские, уходящие в глубь корневой системы языка протоиндоевропейцев), употребленные христианами, – **хорошие, правильные**, а эти же слова, употребляемые в связи с дохристианской верой всех индоевропейцев, – **плохие, неправильные**. И как бы не имеют права существовать в таких смыслах (часто их просто считают бессмысленными – для тех, кто не помнит смысла, конечно, – свидетельства кровожадности наших праотцов). Благородная мысль о жертвенности (отдать дань, часто символическую; а иногда и самое дорогое) богу за его созидательскую идею и неуспынный труд над творением и развитием мира – несправедливо извращена и превращена в противоположность (не отдачу всего, даже жизни, во имя

творца, а отнимание). Несправедливая оценка дохристианского ритуала жертвоприношения не может пройти безнаказанно для тех, кто ее искажил.

Основные источники славянской веры, как правило, почти не содержат сюжетных преданий, чаще приходится иметь дело с фрагментами или даже с отдельными разрозненными мотивами, именами и словами, являющимися осколками предания или результатом его свертывания. Поэтому для восстановления сколько-нибудь полной картины необходима известная реконструкция совокупности знаний всех праиндоевропейских народов, отраженных в ведах (и ведийской литературе) и, частично, в «Авесте», а также в трудах древних историков. Тем не менее, можно с уверенностью говорить о единстве мировоззренческого начала в индоевропейской традиции. Кроме того, не следует забывать, что в V–III тысячелетиях до н. э. индоевропейская вера локализовалась в южнорусских степях, на юго-востоке Европы и северо-западе Передней Азии, где древние индоевропейцы жили рядом и общались.

Трудность реконструкции основ традиций заключается в том, что за дальностью веков мы имеем дело лишь с обрывками многогранных и сложных миропредставлений. Воспроизведение цельной системы – дело, может быть, не одного поколения историков, языковедов, археологов, этнографов.

Термин «мифология» (вид устного народного творчества на ранних ступенях развития; рассказ о происхождении жиз-

ни на земле, о богах, героях, культовых первопредках) в отношении древнейших веков не носит негативного оттенка. *Мифология – это опоэтизированная история, которую не представляется возможным точно датировать.* Древние относились к истории с религиозным почтением: смертным не дано менять судьбу. В мифах закодированы реальные и сверхъестественные события и образы, память о катастрофах, великих переменах, прародине (как рае), отголоски стародавних общественных отношений и норм поведения, религиозные представления. Г.В. Вернадский считал: «...Следы древней исторической основы могут легко быть обнаружены под мифологическим покровом». Классический пример тому долгие века считавшаяся мифической Троя. Мы не можем ни восстановить, ни понять мировоззрение народа, народную или бытовую психологию, служившие ему десятки тысяч лет, не зная его богов. Несправедливо принято считать новую веру (христианство, мусульманство, буддизм) верой, а дохристианскую веру – мифологией. В этой враждебной неразберихе с терминами мы вынуждены говорить о мифологии, а подразумевать веру.

Уже говорилось о Боге-создателе. Имя его в регионах индоевропейского мира разное – **Брахма** («брахмо» – семя), **Пруджапати** («господин потомства», «господин существ»), **Дакша** – («ловкий», «способный»), **Род** (мужское семя; часто изображался в виде фаллоса) и множество других. Род чтили русские и славяне.

Мужское начало у всех индоевропейских народов связано с небом, женское с землей. Во время жизни праиндоевропейского общества у Полярного круга на первый план выступал мироустроитель, защитник Индра, бог энергии, магнитосферы, ионосферы – он же и был родичем. В период жизни этой же общности (вследствие оледенения севера) на юге, у русских, например, образ Индры и его функции частично распространились на **Дажбога** (но с функциями и других, например, *Дакши*). Дажбог – бог длительного светового периода, и родитель, праотец (как Дакша и Индра). Дакшу в «Ригведе» называют «отцом богов» (земных). Его супруга, по ведам, **Дакши́**, отождествлялась с ночью – темным началом. Она родила ему 50 (по другим источникам 60) дочерей, ставших женами мудрецов, первого человека Ману (в ведийской традиции), богов. Боги и люди тогда еще слабо разделялись, жили бок о бок. Старшая дочь Дакши – *Дити* стала матерью дайтьев (гигантов).

Вторая дочь Дакши *Дану* стала матерью данавов (водных гигантов). Ее имя каждому русскому известно со школьного детства по детям Дану – рекам Дону (рек Дон, по меньшей мере, три: в бассейнах Азовского, Северного морей, Хамбер), Северскому Донцу (правому притоку Дона), Дунаю, Днепру, Ардону (притоку Терека), богу морей Посейдону.

Третья дочь Дакши *Адити* («несвязанность», «безграничность») ассоциировалась со светом, призывалась людьми трижды: утром, в полдень, вечером; наиболее полно образ

Адिति воплотился в ее дочери *Ушас* – заре утра года. У Адити было 7 (по другим версиям, в другие времена уже 8, 10, 12 и так далее) сыновей – солнечных богов, почитавшихся с большим энтузиазмом, **Адितьев**, связанных с нравственным аспектом («ритой» – законом), очень благоприятных к опекаемым ими племенам протоиндоевропейцев, дающих блага без всяких просьб. Адитьи «перевозили» древних индоевропейцев «через заблуждения», «через проявления враждебности», «через все беды», «держали щит (над ними) во всю ширь», «охраняли каждого со всех сторон», «продляли срок жизни»; о них говорили древние: «Под любимой защитой... ведущие нас сквозь (все)».

Адитья **Митра** («договор», «согласие») – солнце (одно из них) – связан с огнем, посредник меж богами и людьми. Тем, кто соблюдал договор (правила, законы, уставы, установленное), Митра посылал царя, быстрых лошадей, пастбища и прочее. У Митры на каждой высоте сидели 8 наблюдателей (на все стороны) договора, у него, как у наблюдателя, десять тысяч глаз, тысяча ушей... Он посредник в спорах о границах, давал понятия и о морально-нравственных границах, нес устойчивость, согласие в обществе. Митрою клялись. Он имел атрибуты: скипетр или факел в левой руке, правая открыта для приветствия. Иногда в правой руке его (в поздних интерпретациях) – свиток законов (или договоров). На Руси Митра растворился в функциях *Дажбога*, *Световида*, *Белбога*, *Перуна*, *Велеса*, *Семаргла* (олицетворе-

ние защиты и вооруженного добра). А также в понятии Мир – как устойчивое общество, связанное неким мистическим договором.

Арьяман («дружественность», «гостеприимство») вместе с адитьей **Бхагой** («Бог», «доля», «счастье», «имущество», «богатство», «геройство», «слава», «процветание», «красота») покровительствовали свадьбам, бракам, невестам, женихам, у славян растворились в богах – Радегасте, Поревите, Поренуче (оба от «пора» – спора, семя, зародыш), Ладе («гармония», «красота»), Живе (жизнь), Роде.

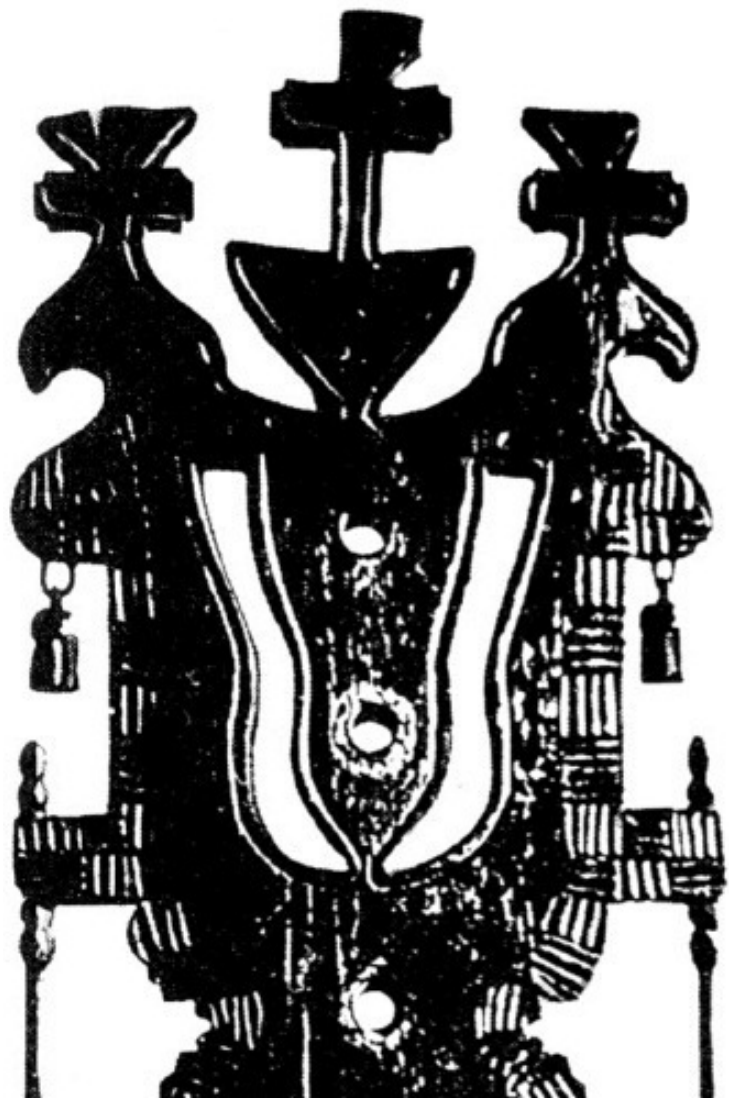
Адитья **Варуна** («истинная речь») воплощал космические воды, охранитель истины, справедливости, владыка ночного перевернутого неба, наряду с Индрой и Митрой – один из главных адитьев. Только Варуна и Индра называются в «Ригведе» «вседержитель», «самодержец», «царь» над миром, богами и людьми. Это почитание оправдано и позднейшим научным обоснованием воды как субстанции, из которой вышло все живое. Но древние и тогда знали: вода – начальная космогоническая материя, несущая в себе зародыш жизни. Варуна творил мир и удерживал его, охватывал небо и землю, ночь и день. Он связан с природным (в отличие от Митры, связанного с социальным), тайным, магическим; благосклонен к певцам и обладающим прекрасной речью; освобождал людей от злого начала, страха, дурных снов, сторожил мысли; выступал против несправедливости, болезней, смерти, колдовства, даровал долгую жизнь, отпус-

кал грехи, но карал виновных, ложь. Веревка, петли, болезнь – водянка – его орудия против грешников. У него дворец на дне морском. Варуна связан с **Тритой** (третий из троады: 1. Небо. 2. Земля. 3. Подземное – подводное царство.), богиней **Кали** (неумолимая богиня времени, которой при рождении ее Трита даровал петлю) и с царством Нагов (змей). Варуна имел двойственную природу: он связан с богами и с асурами (буквально «не Сурья»; не солнечные, темные; существовали во тьме хаоса до создания организованного космоса, земли), но перешел на сторону богов. Варуна в индоевропейском мире сопоставляется с хеттским богом Аруной, древнегреческим Ураном, славянским и балтийским Перуном и Перкунасом, но, в то же время, частично и с Велесом, Велнясом (великим; например, как Велес он покровительствовал певцам), а также с Морским Царем русских сказок и былин.

Адितья Дакша-сын сопоставляется (и путается порой) с Дакшей-отцом (Дакша и отец, Дакша и сын). У русских это Дажбог (с функциями Индры и других), о котором мы говорили.

Адितья **Анша** («часть», «доля») своими функциями сливается с Дакшей и с **Ашвинами** – детьми Ушас-Зари – двумя всадниками (или конями, или человеко-конями; вспомним греческих «кентавров»). Они были рождены Ушас (у русских Усиньш, Усень, Авсень, Овсень, Таусень, Баусень и так далее) от бога, превратившегося в коня. На Руси, у славян и

балтов Ашвины почитались как покровители людей, животных и особенно коней. Через 700 лет после принятия христианства, в 1649 году, царь Алексей Михайлович вынужден был объявить указ: «...Ведомо... на Москве, и, прежде всего, в Кремле и Китае, и в Белом и в Земляном городах, и за городом, и по переулкам, и в черных и ямных слободах по улицам и переулкам в навечере Рождества Христова молились многие люди Коляде, Авсению, а в навечере Богоявления Господня кликали Плугу, да в Москве же многие люди поют песни... собираются на сборища... попы и иноки, и мы указали Коляду, Авсенья и Плугу более не кликати». Это свидетельство того, что даже русское духовенство продолжало почитать отеческих богов. Почему же так чтили Авсенья (близнецов Ашвинов и их мать Зарю)?

Мотив вед. Ушас и Ашвинов на дощечке от самопрялки из Литвы (XIX в.). Из книги «Изобразительные мотивы в русской народной вышивке»

Ашвины, по ведам, на конях или золотой колеснице, запряженной птицами (орлами, лебедями, соколами), или на стовесельном корабле объезжали за день (в околополярные времена день-год; в периоды южных кочеваний – обычный суточный день) Вселенную и прогоняли тьму. Они спасатели, помогавшие в беде. Излечивали слепых, хромых, спасали от заклинаний, даже возвращали жизнь умершим и совершали другие необыкновенные поступки. Приносили дары, богатства, пользу, пищу, коней, коров, быков, детей, свет, счастье, победу. Давали долгую жизнь; вознаграждали, защищали певцов. Эпитеты Ашвинов – «юные», «прекрасные», «золотые», «медовые», «красные», «божественные врачи», «всезнающие». Они быстры, ловки, могучи; на своей колеснице они везли чудесный мед для людей (в виде крапления медовыми прутиками-кнутиками, как благодать). По преданиям вед, пчела, передавая Ашвинам мед, шепнула им на ухо тайну силы жизни. Но самое загадочное – чем обладали Ашвины – двумя магическими дощечками, трением которых друг о друга добывали: огонь; хорошее потомство для всех, кто его желал (людей и животных). Ашвины принимали участие в свадьбах богов и людей, но были нетерпимы к чужим: выступали против злых духов, болезней, скупцов, за-

вистников. В русских сказках народное сознание воплощает Авсенья в Ивана Кобыльего (Коровьего) сына или Ивана Быковича.

Адитья **Сурья** (солнце), золотой («в сердце его живет золотой человек»), сопровождаемый жаром, садился в ладью или колесницу из 7 коней. Он разгонял тьму, исцелял людей при помощи «медовой» терапии вместе с Ашвинами, его же просили о богатстве, здоровье, потомстве. Солнце – глаз, всевидящее око богов (особенно Митры). Но в то же время от Сурьи исходила угроза все пожечь. Боги неоднократно предпринимали попытки оградить их самих и людей от палящего Сурьи. Память о Сурье сохранилась в русской и славянской топонимике: это древний город Сурож, описанный в «Житии Стефана Сурожского»; река Сура, приток Волги, и населенные пункты на ней – Сура, Сурск, Сурское; Сура – населенный пункт на реке Пинега; Сураж – город в Брянской области; Сураж – город на реке Западная Двина (Витебская область); Суринск – город на одном из притоков Волги в Самарской области; Суроватиха – село Нижегородской области; Сурово – село на притоке Лены и другие.

Но в дальнейшем, как мы видим, боги солнца русских и славян именовались **Хорс, Кала, Коляда** («хоро», «коло» – круг, солярный знак). То есть славяне не называли имя, а использовали для его имени метафору, обозначавшую символ солнца круг («хоро», «коло»). «Коло», «кала» и «хор», «хр» – корни слов, известных индоевропейскому миру: *Ка-*

ли, Калка, Махакали – ведийская богиня времени и вечности (у русских Кала, Калка); Хронос – греческий бог времени; Хор входил в пантеон богов в нескольких странах Древнего мира. Таким образом, уточняется, что соответственно им, и русские боги (Хорс, Коляда) были не только богами солнца, но и времени.

Сразу бросается в глаза, что ведийскому **Вивасвату** («сверкающий»), богу восходящего солнца, отцу Ашвинов и Ямы (первого смертного человека), своим именем обязан славянский **Световид** (здесь лишь переставлены местами части слова: «свет»-«сват» и «вив»-«вит»-«вид»), бог света и земных благ.

Из древних упоминаний об отеческих богах (кроме «Слова о полку Игореве») на Руси известны в основном сочинения христианских авторов, где, как называли их христиане, «языческие» боги клеймились отрицательными клеймами, демонизировались и превращались в пугало. Демонизация политических, идеологических противников шла с глубокой древности, и тогда она выступала эффектным приемом конкурентной борьбы. Что характерно, до нас не дошло нападок славянских «язычников» на христиан, так как дохристианские традиционные верования славян НЕ ЗНАЛИ ХРИСТИАНСТВА. Зато христиане буквально вытаптывали все то, что было до них на **любой** (будь то сербы, русские, чехи) национальной духовной ниве. Идеологи интернационала разрушили неразрывную связь меж этносом и традици-

ей. Понимание традиции свели к чисто «культурной» деятельности. В то время как традиция, прежде всего, – внимание (от слова «внимать») смыслу жизни предков. Божественная множественность, самобытность народов, их свобода нарушались неизбежностью тоталитарной унификации. С введением режима христианской диктатуры появилось немало так называемых «Поучений против язычества», поучений против музыки, «плясания», «в ладоши плескания», созданных всевозможными «христолюбцами». Уничтожалось все дохристианское: храмы, святилища, священные рощи, многосотлетние дубы, ели и липы, священные камни, изображения богов, письменные сочинения (всякого рода волховники, лечебники, травники, воронограи). На Руси отечественные родокоренные имена летели в небытие вместе с головами их носителей (если подробности христианизации юга и севера до нас дошли в обрывках, то христианизация Литвы и западнорусских земель ярко описана, например, в «Хронике Ливонии»).

Уничтожались: обряды, обычаи, самобытное скоморошье искусство, национальная одежда. Народная культура была слишком живой и опасной. Попирался божественный план множественности народов, эта космическая симфония. Унификация наступила на Русь и шла семимильными шагами. Христиане ссылались на слова Христа: «Я послан только к погибающим овцам дома Израилева... Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Матф.15.24). Под «псами» подразу-

мевались неевреи и нехристиане, так называемые «язычники». Иисус Навин (23.7) учил: «Не вспоминайте богов их». «Второзаконие» (7.5) предписывает: «Жертвенники их разрушьте, столбы сокрушите, рощи их вырубите, истуканы богов их сожгите огнем». В этом библейском предписании задана вакханалия топора, меча и огня.

Контакт с Богом ничто заменить не может. У наших предков этот контакт (ведь Бога узреть нельзя) проходил через все Божье творение – природу и космос. Они понимали: преступление против природы – преступление против Бога. Все народы стремились к национальному самосохранению. Поэтому бережно относились к природе земли.

Переведение богов славян в период христианства из верхнего яруса в нижний превратило их из сил небесных, помощных в силы земные, нечистые, а то и подземные, потусторонние, и тоже нечистые. Одновременно, если так можно сказать, снизился статус природы. Христианство природе (если только она не пустынь) вообще не уделяет никакого внимания, ибо христианство – религия не природная, а книжная, умственная.

Христианский интернационал (как всякое вторичное явление) взял многие слова, понятия, образы из дохристианского мира пращуров индоевропейских народов, присвоил их и считает исконно своими. Иные нынешние священнослужители и не подозревают, что пользуются древними словами ненавидимых «язычников». Такими, как: «**Бог**»,

«рай», «вера», «дух», «душа», «закон», «пророк», «святой», «спас», «вседержитель», «самодержец», «царь», «обряд», «треба», «жертва», «жертвоприношение», «жертвенник», «чудо», «хоругви» (знамена в честь бога Хора, у русских – Хорса, одного из богов солнца), «хор» (песнопение; совокупность певцов, изначально стоявших в кругу – «хоро», «коло», – в честь бога солнца Хорса), «храм» (откорня «хъръ», как Хорс), то же и в слове «похороны» (отправление человека по ту сторону солнца – Хорса, в засолнечный темный мир); «кольцо», «колокол» (от «коло»; колокола были задолго до христианства; существовали: вечевой, сполошный, полуденный, сторожевой и другие), а также «колокольчики», отсюда и «колокольня», «митра» (круглый, колобкообразный головной убор священника, в честь одного из ведийских солнечных богов Митры), отсюда и «митрополит». «Символ веры» – название самой важной христианской молитвы (с которой человека крестят). взято из древнего письменного памятника иранских арьев «Авесты» (хотя содержание молитвы в «Авесте» иное). «Лик» – древнеиндоевропейское название волка (иногда и медведя), маска волка, медведя, а затем и других животных и персонажей традиционных ряжений во время праздников, «личина», «священный лик». Христиане переняли это слово для эпитета лика святых, святого лика.

«Воскресенье»-«Воскресение» (от «кресити» – высекать огонь) взято христианами у предков индоевропейских

народов – поклонников солнца, которые на протяжении десятков тысяч лет в этот день высекали кресалом земной ритуальный огонь – символ огня небесного; жгли костры, устраивали хороводы, прыгали через костры, очищая себя – физическое и астральное тело – огнем, *окуриванием*, исцеляя, как бы каждый раз возрождая к новому витку жизни. В христианстве воскресение – день рождения (возрождения) Христа. **«Крест»** (и **«крещение»**) – также от «кресити», высекать огонь. Крест – дохристианский символ огня; крест в круге – символ солнца (солнечного огня). Христиане же поклоняются восьмиконечному кресту-распятию – символу пыток (в память о страданиях Христа), хотя употребляют в символике и просто крест; четырехконечным крестом крестятся. **«Крапление водой»** – древнейший элемент ритуала индоевропейских народов, почитавших священные источники, ключи земные, реки, озера, моря-океаны. Крапление медовыми прутиками-кнутиками благодати идет от богов Ашвинов – двух мудрых небесных всадников древности, лечивших людей и животных, дававших им счастье и блага. **«Молитва»** – праславянское слово. **«Посолонь»** – хождение по ходу солнца – дохристианское понятие («солнце» и одно из значений слова «соль» – одно и то же).

«Мир» («мр», «мъръ» – мрущие, смертные, в отличие от богов) дало слова **«миряне»**, **«в миру»**, **«мирской»**, **«всем миром»**. **«Радоница»**, **«родуница»** (изначально от «Род», «родня», «родные») – время почитания предков, родных.

«**Масленица**» – прощание с зимой, так же как и «**святки**» (зимние или летние) – прощание с летним или зимним светом (временем года, полугодием). «**Прощеный день**», «**прощеное воскресенье**» – один из древнейших ритуальных дней очищения души, очищения совести перед важным делом – закладкой урожая нового года, закладкой благ будущей жизни, он существовал на Руси, когда год начинался весной, тогда прощенный день был последним днем уходящего года: каждый просил у другого прощения за годовые обиды, получая таким образом своеобразное «отпущение грехов». «**Грех**», «**отпущение грехов**» – категории «Ригведы», этим понятиям десятки тысяч лет. «**Красная горка**» – дохристианский обряд встречи солнца в высоких местах (окливание солнца, просьбы к нему), в христианстве – воскресенье на Фоминой неделе. «**Сретение**» у славян было, когда зима с летом встретились. А встречались они ежегодно за много тысячелетий до христианства.

«**Свадьба**» – от санскритского «свах» – небо, одно из небес, на котором свершались браки (помните поговорку: браки свершаются на небесах. Она не случайна); отсюда же и «**сваха**», «**сват**», «**сватовство**». «**Венок**», «**венчик**», «**венчание**» и объяснять не надо, ясно, что слова и понятия эти были задолго до христианства, как и «**вено**» – выкуп за невесту. «**Вседержитель**», «**самодержец**» (от него в России произошло и «**самодержавие**»), **господь, всевышний** в ведах называли только двух богов – Индру и Ва-

руну (у русских им соответствуют Перун и Велес). «**Поминки**» (от «помнить», «вспоминать») христианским интернационалом (призывавшим забыть мать, отца: «враги человеку – домашние его», Матф.10.36; предлагавшим даже не предавать отца погребению, Матф. 8. 22) вначале запрещались, осуждались, но, поскольку истребить этот дохристианский ритуал в течение двух тысяч лет не удалось, его оставили, приспособив под «христианский». Поминание едой – дохристианский обычай («исти» на санскрите жертва, еда). Церковь вынуждена под огромным давлением народа принять и разрешить еду на поминках.

Образ «**отца-пастуха**» всего мира взят из «Ригведы». Из религии индоевропейцев шумер взято слово «**пасха**», где оно первоначально означало: восстание из пепла, существовал шумерский праздник восстания из пепла, возрождения, спасения – праздник циклического времени, солнца. Это слово переняли евреи, а от них – христиане, но те, другие и третьи вкладывали разный смысл в понятие «пасхи».

Нет числа древнейшим понятиям, словам, ритуалам, которые христианство присвоило себе. Даже латинское слово «**месса**» произошло от латинского дохристианского слова «*messis*» – урожай, подношение; а римский праздник сбора урожая назывался «**мессия**» – ежегодный посланник солнца, помогавший плодам вызреть. При этом носителей индоевропейских языков и древних верований христиане продолжают изображать как врагов, и врагов примитивных. И хо-

тя от дохристианских представлений о вере остались одни «клочки», не всегда ясные понятия, порой темные, утраченные смыслы, разрозненные названия, – вытаптывание уже унифицированной, утрамбованной интернационалом национальной почвы индоевропейцев, в том числе и нашей, русской, продолжается. Наиболее огорчительно то, что это делается «руками» (устаами) самих доверчивых (повторяющих бездумно, по инерции, якобы не подлежащие сомнению слова осуждения «язычников») русских и славян.

Слово «**язычество**» в древности не существовало (его начали употреблять еврейские библейские пророки). **Ни один** дохристианский индоевропейский и какой-либо другой **народ себя «язычником» не называл. Вера** протоиндоевропейцев очень укорененная. **Ее называли просто «вера»**, «вера в Бога», «наша вера», «отеческая вера». Как в «Ригведе»:

С Верой огонь зажигается,
С Верой возливается жертва,
Веру на вершине счастья
Мы выражаем (своей) речью.
Приятным, о Вера, для дающего,
Приятным, о Вера, для желающего дать,
Приятным для дружелюбных жертвователей
Сделай это сказанное мною!..
Веру почитают боги
(И люди,) приносящие жертвы, хранимые Ваю,

Веру – с сердечной склонностью.
С помощью Веры находят добро.
Веру рано утром мы призываем,
Веру – около полудня,
Веру – при заходе солнца...

Предки индоевропейцев не задавались мыслью, *какая у них вера*. Ведь тогда для них **она была одна**. Это сейчас появилось множество «вер», направленность которых надо квалифицировать. Рыбаков писал: «Греческое христианство застало в 980-е годы на Руси не простое деревенское знахарство, а значительно развитую... культуру со своей мифологией, пантеоном главных божеств, жрецами и, по всей вероятности, со своим... летописанием 912–980 годов». Как же «квалифицировать» теперь единственную, неповторимую Веру протоиндоевропейцев? Я ее называю дохристианская вера (по времени существования).

Уничижительный собирательный термин «язычество» использовался воинствующим христианским интернационалом еще в первые века христианства, чтоб клеймить врага (то есть наших пращуров и пращуров всех других народов), чье место он планировал занять. Политтехнологии придуманы не вчера!.. Слово «язычество» можно сравнить с позднейшими **политическими ярлыками**: «панславизм» – вымышленный славянский шовинизм, которого в России, во всяком случае, никогда не было и нет; «раскольники» (для староверов; хотя в действительности раскольни-

ком был Никон); «царизм» (для дореволюционной России); «опиум для народа» (для самих христианских интернационалистов); «красно-коричневые»; «националисты»; «шовинисты»; «фашисты» и, наконец, **«враги народа»**. То есть «язычники» читай «враги народа». Так называемых «язычников» обвиняли в том, «что у них религия без Бога», повсеместно называя их «безбожниками», и это при том, что только одна «Ригведа» представляет собой три тома гимнов богам и Богу. И каких гимнов!!! Редкие молитвы могут сравниться с ними в поэтической и магической силе творческого потенциала слова и информационном богатстве сведений о космическом лоне Бога, которого люди прозрели «в сердце своем».

«Язычников» обвиняли, что они «поклоняются твари вместо творца». Но почему «вместо», а не «и»? Ведь дохристианские народы поклонялись всему сущему: и творцу, и творению его (в котором тоже Бог). Новгородский архиепископ Макарий писал Ивану Грозному в 1534 году: «Суть же скверные мольбища их: лес и каменение и реки и блата, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды и езера. И проста реши – всей твари (всему существующему) поклоняхуся яко богу и чтяху и жертву приношаху кровную бесом – волы и овцы и всяк скот и птицы...» Что же здесь возмутительного, если люди любят **все сущее**?! Нельзя же уничтожить **все**?! Вырубить рощу несложно, **но солнце**?! Здесь, как и всегда в христианских устах, «мольбища» (слово уни-

чижительной характеристики) дохристианские – «скверна», а христианские то, что надо. Жертвы дохристианские «бесовские» и «кровные», а христианские жертвы – какие надо. А «вся тварь» (сотворенное) как будто и не богом созданное. Постное, обуженное христианство, направленное на идеализацию мучеников и скудость жизни аскетов, не смогло не только вместить в себя, но понять, принять многообразие и «цветущую сложность» дохристианской веры, предпочитая ее отвергнуть, не вникая в особенности. За сим следовала демонизация непонятого и непонятого, мощного явления дохристианской веры.

Разнообразие, например, календарных обрядов славян – следствие громадного ареала расселения (с климатическими особенностями, где времена года смещались, что давало многообразную вариативность обрядов); или языковых особенностей (сотни метафор языков обозначали порой одно и то же понятие). Например, в одних русских местностях совсем не знали Купалы, зато в это же время праздновали *Ярилин день* (Ярославская, Тверская, Казанская губернии), *коловорот*, а в иных местностях знали то и другое и третье. Самая большая вариативность отдельных обычаев, принадлежавших одному народу, наблюдается у русских, имеющих самый обширный ареал расселения. Но кому это интересно?! Безродный интернационал – будь он христианским (всех конфессий и сект), коммунистическим, демократическим, общечеловеческим («общечеловеческие ценности»),

масонским, евразийским, «русским космизмом» и так далее – всегда испытывал патологическую ненависть к породистым людям. Ими могли быть отнюдь не только дворяне, царские династии, но и (в большей массе) крестьянские, купеческие, казачьи, воинские роды, ремесленные. Чего стоят «палех», «хохлома», «гжель», вятские кружева, оренбургские платки, творения бесчисленных каменных дел мастеров, столяров, плотников, печников!

В книге академика О.Н. Трубачева «В поисках единства» написано: «Языческий сначала значило «народный» (ведь язык – это также и народ)». Как народный определение этого слова и у Даля. Когда в начале XIX века говорили о нашествии в Россию Наполеона «с двенадцатью языками», тогда уже имели в виду, что «язык» – метафора понятия «организованная нация».

Каждый род имел свой язык – наречие, которое подделывать нельзя. Иностранцу постичь все его мистические смыслы, многослойность-многозначность почти невозможно. Поэтому «инородное тело» пришлого человека в любом роду-племени было сразу узнаваемо даже несмышленным ребенком. Не только за самобытность ненавидел интернационал языки («язычников»). В древнем сознании соединялись понятия язык – «лингва» (сравните: «лингвистика») и «лингам» (мужской репродуктивный орган, передающий одни и те же гены, создающий семью, род, родню, народ, племя, то есть опять же – говорящих на одном языке). Плот-

ное духовно непроницаемое ядро породы (и «лингвы» и «лингама») для безродного интернационала, перекачиполя, не имеющего корней, представляло единую **национальную силу**, владеющую мощным коллективным духом, объединенную общей кровью, корнями предков и ветвями потомков, имеющую, наконец, обширную благодатную землю. Этой **силы** христианский интернационал, боровшийся за площади паразитирования, боялся больше всего, окрестив ее «язычеством» («врагом народа»); приписав «язычеству» – совершенно неоправданно и несправедливо! – бездуховность (хотя духовность – понятие доконфессиональное, существовавшее с древнейших времен), плотскость (подменяя этим бранным, в глазах христиан, словом **естество** и **гармонию**, предполагающие и душевность, и многогранную духовность). **Не плотскость, а одухотворенная божественная любовь, продолжение и нравственное воспитание рода в традициях праотцов – вот что важно было для наших предков.** Для них важно было многократное повторение своего – и Божьего! – лица; сохранение своего – и Божьего! – языка.

Омерзение и к лингве (языку), и к лингаму – символам сильного рода, имеющего не только физиологическое естество, но и мощный духовный мистический ареал; к обрядам, обычаям предков – заставляло христианский интернационал фальсифицировать дохристианские верования, сводя сведения об образе жизни наших пращуров к животному блуду,

называя любовь «грехом», загоняя ее во тьму ночи, а жертвы Богу опошляя до предела, заодно пиная и созданных в своем воображении «язычников».

НИКАКИХ «ЯЗЫЧНИКОВ» НИКОГДА НЕ БЫЛО!

Афанасьев корректно охарактеризовал дохристианскую веру: «поэтические воззрения славян на природу» – это поэзия (в том числе и поэзия имен богов и духов, названий космических и стихийных явлений), разлитая в восприятии мира природы, которое несет славянское самосознание. Прекрасно это сформулировано у Ключева: «Природы радостный причастник». Дохристианская Вера во всем мире существовала три миллиона лет – с начала поклонения предков первобытного человека огню. Христианству (во многом вторичному) всего две тысячи лет, на Руси – одна тысяча. Но оно утверждает, что от него все и пошло, а до того было невежество, мрак, скотство. Также и большевики стояли на том, что история началась с 1917 года, а до того был невежественный царизм, повсеместная неграмотность, «мракобесие» церкви. История повторяется.

Никто не желает замечать, что часто употребляемая формула в оправдание христианства: «нет ни эллина, ни иудея» – давно устарела и обнажает лживость предполагаемого интернационального равноправия, ибо эллина, как народа, нет уже более двух тысяч лет, а иудей жив... Где же в интернационале равенство?

Академик О.Н. Трубачев, который очень переживал то,

что с утратой отеческой Веры, пришествием, как он считал, «революционным», в мир славян разных конфессий поздних религий, произошел и разрыв славянского единства, писал: «В наше время, столь характерное острыми дефицитами, **ДЕФИЦИТ ЕДИНСТВА**, возможно, один из самых острых».

Он анализировал наступление христианства на Русь: «... Прежнюю веру отцов, выраставшую как бы из земли, вечную и ниоткуда не пришедшую, «свою», сменила книжная вера, христианство, не сразу укоренившаяся даже в городах, а в села, остававшиеся дольше языческими, новая вера пришла еще позже. Но в языке постепенно обесцениваются все более или менее оценочные слова; когда масса простого народа стала официально христианской, само обозначение христианина тоже оказалось «сосланным в село», словно вслед за язычниками первых времен, потому что в своей народной форме – *крестьянин* — слово стало названием рядового земледельца. Случай этот довольно оригинальный, так как из всех языков народов, охваченных христианизацией, как будто только в русском обозначение **христианина** превратилось в обозначение **землепашца**, потеснив исконное славянское *селянин* (в украинском и белорусском *крестьянин* по-прежнему называется древним словом *селянин*). Что-то отдаленно напоминающее историю русского слова *крестьянин* произошло с аналогичным исходным обозначением во французском языке (*cretin* – «слабоумный человек,

кретин, идиот», в сущности, народная форма от латинского *ceristianus* «христианин»)...

У гонимого язычества путь был один – сначала на окраины Руси, потом – в уголки людских душ, в подсознание, чтобы там остаться, видимо, навсегда, как бы мы ни называли это – суеверием, пережитками или пережитками пережитков, как бы мы ни игнорировали все эти виды двоеверия. Не считаться с ним – напрасное занятие, ибо в двоеверии открывается своего рода отрицательная преемственность, то есть единство культуры. Конечно, говоря о единстве русской культуры, мы подразумеваем более высокое содержание и более фундаментальную преемственность... Мы говорим о неразрывности культуры в понимании Джона Бернала: «Древняя культура влияет на современную через посредство неразрывной цепи традиций, лишь последняя часть которой является письменной традицией». Таким образом, устремив вначале свои мысли к «тысячелетию русской культуры», мы отнюдь не хотели этим сказать, что русской культуре исполняется 1000 лет и – ни одним годом больше: это попросту невозможно. Историю русской культуры нельзя начинать с крещения Руси, как и выводить ее из Византии. Это можно делать, лишь не видя (или не желая видеть?) ее собственных корней. Отводя сразу упрек в голословности и одновременно выражаясь по необходимости кратко, я скажу о том, что понимаю под собственными корнями русской культуры: выработанную всем предшествующим славянским и

индоевропейским языковым и общекультурным развитием систему достаточно высоких религиозных и этических понятий, выраженную в соответствующей исконной терминологии. Наугад взятая фраза из церковного богослужебного обряда – «створим потребу господеву и богу нашему» – вся состоит из еще языческих по своему происхождению терминов, как, в общем, верно сказано у известного нашего исследователя славянского и русского язычества Б.А. Рыбакова... не на месте пустом и диком был выстроен величественный христианский храм.

Новая вера не только искореняла и истребляла все нехристианское, она умела проявлять гибкость, искать и быстро находить, на что опереться в старом сознании, в старом языке народа. Очень мудро был не отменен, но бережно использован прежний религиозный лексикон. Я думаю, что этот опыт древней христианизации вообще заслуживает изучения как удачный сам по себе, в противоположность всякого рода начинаниям более новых времен, которые как будто старались отличиться, прежде всего, переименованиями и введением новой терминологии, что всегда только отвлекает внимание от изменений по существу. Мне, конечно, могут возразить, что новая книжная вера принесла с собой лавину новой, греческой церковной терминологии, и все же это не самые частотные слова. Составители древнерусского словаря XI–XIV вв. подсчитали, что в древнейших русских более или менее светских (не богослужебных!) текстах не менее 10

000 раз употребляется слово *бог*.... А слово *бог* было дохристианского, глубокоязыческого происхождения.

Даже без специальных подсчетов, думаю, позволителен вывод о ядерном, базовом и наиболее частотном употреблении терминов, взятых христианством у старого, дохристианского культа: *святой, вера, бог, рай, дух, душа, грех, закон* и некоторых других. Отныне то, что веками и даже тысячелетиями служило старой вере (например, слово *бог*...), стало служить новой вере во Христа....

Изображать, что смена религий прошла мягко и безболезненно, нет причин. Старые боги сами не уходили, их свергали, били, топили, о чем имеются исторические свидетельства. Трогательно, однако, что, при всей резкости, революционности смены язычества христианством на Руси, как и во всем славянском мире, сопровождавшейся разорением прежних святынь, идею святости и само слово *святой* уходящее язычество передало христианству. Прежняя вера только потом была изобличена как *суеверие*... древние наши предки-язычники сами себя и свою веру, разумеется, не называли *язычниками, язычеством, суеверием*.... Все обличительное именословие родилось в борьбе....

Выходит, единство было и ушло вместе с единоверием – древней верой – обожествлением всех сил природы, а победившее христианство оказалось ввергнуто в изнурительную и бесконечную борьбу с двоеверием, так никогда и не закончившуюся, поскольку никому не дано до конца изжить язы-

ческих лесных из наших лесов, а домовых — из наших домов.

Но раскол прежнего единства высвечивает тонкие и вместе с тем прочные нити, которые продолжают связывать воедино всю русскую культуру.

Так, нельзя пройти мимо того курьезного факта, что новая христианская вера, уготовавшая рай только для собственных праведников-христиан (и, наоборот, ад — для упорствующих язычников), сама переняла слово *рай* у язычников-нехристиан...

После сказанного, может быть, станет яснее тот многим известный и сердцем понятный феномен большей светлости и даже веселости нашего православного христианства и русской православной христианской архитектуры в сравнении, скажем, с католичеством Западной Европы и его храмами. Причина может корениться в том (как нам это теперь подсказывает язык), что духовной культуре древних славян была чужда мрачная идея посмертного возмездия.

Нередко даже в тех случаях, когда христианство привнесло совершенно новое религиозное понятие, оно обращалось к существующему древнему лексическому и идейному фонду славян. Так, идея и образ **душевного спасения** и бога как душевного спасителя, очевидно, неизвестные дохристианскому... мировоззрению, получили выражение в первоначально пастушеской, скотоводческой лексике древних славян: *спасти (съспасти)* — это ведь, в сущности, «пасти (домашний скот)», то есть первоначально «охранять и кор-

мить», отсюда же *спаситель* (*сѣпаситель*), в христианской письменности – об Иисусе Христе, также *спас* (*сѣпасѣ*)...»

Олег Николаевич Трубачев очень тактично характеризовал преемственность культур – дохристианской и христианской.

Однако само христианство никакой преемственности в этом плане видеть не желает. А уж о тактичности нет и речи – только запрет и брань....

Вплоть до конца XVIII – начала XIX веков (в 1800 году открыто «Слово о полку Игореве») все дохристианские сочинения на Руси были запрещены правящим идеологическим режимом христианского интернационала. Упоминания «языческих» богов не дозволялись, если только эти боги не поносились всевозможным образом и не топтались – в который раз! – идеологическим башмаком. На славянской дохристианской вере лежал густой слой пепла, зола времен...

За истекшее тысячелетие нас приучили считать, что предки «язычников» были отсталыми, а предки христиан передовыми, продвинутыми. Что пращуры-«язычники» были глупыми, а предки христиан умниками. Предки «язычников» – якобы «кровожадными», а предки христиан – «агнцами» на закланье, смиренными, богобоязненными, мучениками. «Язычество» плохое, а христианство – свет.

Еще в начале «просвещенного» XIX века научное исследование А.С. Кайсарова «Славянская и российская мифология» (1804) должно было быть написано русским человеком

на немецком языке, переведено немцем на русский, и только когда получило статус «перевод с иностранного» – разрешено цензурой для печатания в типографии Московского университета (1806, 1810) небольшим тиражом. В течение почти 200 лет это был единственный в России (хотя краткий и недостаточный) словарь славянских мифов. XIX век дал миру братьев Киреевских, Афанасьева и других исследователей славянских древностей, обратившихся, наконец, к истокам народности.

Принято думать, что о славянских дохристианских богах ничего не известно. На самом деле так считают лишь те, кому лень открыть и прочесть книги или журнальные статьи археологов, этнографов, историков, лингвистов, лексикографов, ученых, занимающихся ономастикой, топонимикой, нумизматикой, расшифровкой древних надписей и текстов. А ведь эти ученые уже не первое столетие работают над разгадками славянского мировоззрения. Шеппинг в середине XIX века защищал народные обычаи: «...Многим покажется странным изъяснение сожаления о том, что цивилизация с каждым днем более и более сглаживает суеверные осколки язычества.... Но тем не менее мы скажем прямо: да, жаль нам постепенно исчезающих празднеств, обычаев, поверий и преданий, веющих такую могучей народной фантазией и такой свежей, самобытной жизнью нашей старины... Во времена язычества религия обнимала собою все способности и дарования человеческого ума, все таинствен-

ные познания его наблюдательного изучения природы, все занятия и заботы ежедневной жизни человека. В область религии входили: мудрость и красноречие, поэтическое вдохновение и вещая сила очарования и познания будущего; ею осенялась справедливость суда, врачевание болезней, плодородность труда, счастье и богатство семьи... Если в обрядах народных проглядывает иногда остаток языческого... в пословице или загадке отзовется древний язык жреческой мольбы, или, наконец, в песне зазвучит имя забытого божества – неужели мы беспощадно осудим наши народные песни, празднества, увеселения за то, что в них хранится какой-то темный, самому народу непонятный, отголосок давно заглохшего мифа? Нет, эти празднества и обряды не принадлежат уже более искорененному язычеству; но они отразили на себе дух нашего народа, они слились с его древней жизнью, и вот почему они еще доныне устояли против всех гонений...»

Упорно гонимая тысячелетиями древняя вера предков продолжает жить в нашей генетической памяти. Даже в повседневной жизни нынче остались Масленица, Красная горка, Радуница, Купала, зимние Святки, Новый год.

Чтобы восстановить самобытность нашей цивилизации, надо дойти взглядом до корня ее возраста. Восстанавливая разрушенную связь времен, выстраивая преемственность тысячелетней России не только со сталинской (многотрагической фазой развития), но и с николаевской, александров-

ской (времен Бородина), петровской, киевской, московской Русью, – надо приблизить новое открытие собственной цивилизации и в части ее дохристианского удивительно космоцентричного религиозного мировоззрения, глубокой духовности предков. Ибо духовность – доконфессиональное универсальное состояние. Так произойдет постепенное восстановление духовной ткани Отечества.

Отсутствие или иссякание энергии нации связано с пересохшими метафизическими ключами. Надо идти (искать) на глубину к историческим и духовным ключам, а не суетиться на дебилизированной политической поверхности, где все силы направлены на стирание нашего культурного кода, давление на него безмозглой масскультурой. Надо отдавать себе отчет, что, берясь изучать дохристианское мировоззрение, мы ступаем на территорию крайней сложности и специфически крайней сложности.

Вы не задумывались, почему, например, легко сосуществуют **вместе** интернационалы: христианский, масонский, коммунистический, демократический, несмотря на то, что в XIX веке масонство, а в XX веке коммунисты боролись с христианством за площади паразитирования в идеологической и материальной сфере; последние репрессировали и уничтожали священников, разрушали храмы и монастыри? Однако принципиальных разногласий нет. Более того, в 1990-е годы по телевидению прошел сюжет о том, как бывшие замполиты кораблей и подлодок на Камчатке переходят

в священники. Сосуществуют **вместе** в России и различные конфессии: христианство (православие, католицизм, протестантство, староверы, григорианцы, даже секты), иудаизм (он изначально живет в организмах христианства и мусульманства и поэтому кажется *внешне* интернациональным), мусульманство. **Они представляют разновидности интернационала.** Несмотря на обрядовые различия, корни названных конфессий одни – их стыдливо называют «авраамические» (от библейского праотца евреев Авраама). А вот ***вместе*** с первоисточной верой христианство существовать ***не может*** (хотя так называемого «язычества», как веры, не было и нет, есть лишь отрывочные исторические сведения о дохристианских верованиях), оно желает существовать только **ВМЕСТО** веры праотцов русских и славян (а также всех индоевропейских народов), которую продолжает неправомерно называть «язычеством». Здесь фронт очевиден: с одной стороны, интеррелигии, интерпартии или политические режимы, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет... С другой стороны, хоть и уничтоженная, преданная забвению, гонимая, но **национальная**, родовая, **родная космоцентричная самодостаточная Вера**, основанная на жизненных наблюдениях, интуиции, прозрениях, провидении; длительной, древней глубокой культуре. Ее – давно разрушенную – принято поносить, гнать, громить, порочить. Причем бездумно, просто по инерции. Русский человек в душе интернацсопричастен и чуток к лучшему в мире. Надо ли ме-

ханически внедрять подавление русского самосознания интернациональным прессингом? Не вызовет ли это ответной реакции?

Есть люди, которые хотят подтянуть христианский интернационал к нацхристианству, но вряд ли этот гибрид (или химера) удачен и жизнеспособен. Христианство – вера искусственно созданная в I веке сектами христиан (не имевших отношения к Руси), импортная, чужая. К тому же вера вторичная, нивелирующая, унифицирующая культуры народов, изначально пораженная иудаизмом, или «авраамизмом» (тоже явлением поздним и вторичным), пришедшая на наши ценности – духовные, культурные, материальные – с «огнем и мечом». И как она ни окультурилась, ни выстрадалась, ни оплачена кровью и жертвами наших недавних предков, как она ни пыталась играть роль национальной декорации – всегда найдутся такие русские, которые не могут искренне полюбить чужое, в душе противятся интернационализации с «авраамическим» уклоном, а любят **свое, родное**. При этом я далека от мысли, чтобы отрицать или даже приносить роль христианской церкви в современном обществе: в наши непростые времена церковь хоть как-то хранит тысячелетние (не глубже) исторические традиции и хоть как-то поддерживает моральный дух в весьма проблематичном российском обществе. И хотя церковь в какой-то мере сионизирована – в ней есть немало честных порядочных русских священников, истинно духовных и верующих. Есть немало

искренних, честных прихожан. К тому же в российском варианте христианского интернационала, одна из трех его частей (я говорю о внутреннем содержании историко-календарного материала) российская. Правда, эти части не равны; еврейская и греко-византийско-европейская составляющие намного большие. В каком соотношении? Сопоставьте, например, количество имен в церковном именовании: еврейских, европейских и русских (которых всего десятков-полтора) – и вы увидите соотношение. И все-таки русским есть куда пойти помолиться. И за это небольшое, но важное, надо благодарить Бога.

Однако свое, родное, по вышеназванным причинам, русские люди не знают. Даже татарин Минтимер Шаймиев заметил («Завтра», № 38, сентябрь, 2007): «Мы живем в эпоху, когда национальное самосознание народов бурно растет. И мы должны понимать проблемы роста русского самосознания, которое по ряду причин отстает от самосознания других народов. Мы должны терпимо относиться к некоторым издержкам роста русского самосознания. Умная власть должна тонко соблюдать баланс национальных энергий».

Многие книги, в том числе авторов XIX века (я уже не говорю об авторах XX века, например об Асове, в каждом издании «Велесовой книги» присочиняющем новых богов, о других легковесных изданиях стиля «фэнтези») Сахарова, Максимова (которых не включаю в свой список литературы) и иных нынешних, вторящих им авторов, никакой

«славянской мифологией» назвать нельзя. Будет вернее охарактеризовать их собранием христианских суеверий и народных календарных примет XIX века. В книгах Сахарова, Максимова больше «нечистой силы» христианского тысячелетия и темных накруток, нежели сведений о солнечных богах славянских народов, их мощной энергетической природе, помогавшей нашим пращурам выстоять в труднейшие эпохи. Славянская вера в новейших изданиях часто «перепутана» с христианской мифологией или вообще подменена христианскими суевериями. Один из словарей – «Славянская мифология от А до Я», выпущенный под патронажем покойного Н.И. Толстого (таковы же и «Славянские древности»), утверждает, что герой славянской мифологии *Иуда*. Иуде, в книге якобы по «славянской мифологии», посвящена обширная статья. На полном серьезе!.. В иных изданиях кощунственно называют (имея в виду современный негативный акцент этого слова) статуи, изваяния наших богов «идолами»; обрядовые действия «игрищами», «сборищами», а то и похлеще (вроде шабашей ведьм). «Нечистая сила», «вампиры», «ведьмы», «вурдалаки», утопленники и прочая нечисть христианского тысячелетия продолжают заполнять все новые и новые коммерческие издания под видом славянской мифологии. Хотя **вампиров в славянской мифологии никогда не было. «Шабаш» слово еврейское, означает «саббот», «суббота»; евреи традиционно празднуют субботу, а все индоевропейские народы воскресенье – сол-**

нечный день; явление «шабаша» сатанинское. К славянам никакого отношения не имеет. Но кого это интересует?!

Происходит процесс «комчванства» нового образца. Если коммунистическое чванство – забвение и оплевывание прошлого, то коммерческое чванство – сбор мусора и лжи эпохи и продажа этого всего как ценного. В результате (пример!) наши дети воспринимают имя «Афанасьев» не как исследователя поэзии русской души, а как пиво; «Ладу» не как богиню, кощунства с которой плохи, а как не высшего класса автомобиль – нечто посредственное, безликое. Святыни обесцениваются. Инфляция эта проводится не по первому кругу.

Между тем славянская отеческая вера во многом и сейчас остается для нас «белым пятном». Ибо до сих пор божество мужского семени *Ярило* называют богом солнца (хотя как эпитет солнца употребимо). Мало кто знает, чем *Ярило* отличается от *Костромы*. Имя бога солнца не знают. Бог солнца славян – *Хорс* – путается с солнечными богами вообще, например с *Дажбогом*. Мало кто знает, что означает слово «*Коляда*». *Баба Яга*, *Бес* (*Бэс*), *Кащей*, *берегини* «ходят» в злых ведьмах-ведьмаках или самой отъявленной нечисти. Это не так!.. Но кого это интересует?! По инерции на «язычество» «сливается» весь сатанизм, суеверия христианства, ересь сект, преступления безумцев, маньяков и негатив любого толка... Издан даже (М., 2000) фискальный справочник в трех томах: И. Куликов. «Новые религиозные организации

России деструктивного оккультного и неоязыческого характера». Но кого интересует, что это «деструктивное» виртуальное сборище никакого отношения к дохристианской вере славян не имеет?! Что это скорее современное актуальное собрание врагов церкви?! Зачем же непонятую христианами дохристианскую веру приплетать ко всему негативному?! Клевета, несправедливый навет никогда не проходят даром.

Почти ни в одном словаре русского языка вы не найдете происхождения-толкования древних слов: «Коляда», «ступа» (если не иметь в виду бытовой предмет), «кремль», «хоругвь», «хор», «харя», «храм», «календы», «календарь», «хронология», «царь», «скандал», «свара», «сваха», «свадьба», «гон» (у животных), «артикул», «артачиться», «кривичи», «скоморохи», «безалаберный», «амба», «панический страх», «манить», «обман», «вякать», «речь», «речение», «изречение», «речка», «река», «якшаться», «хлябь», «расхлябанный», «хлипкий», «охальник», «охалить», «рачительный», «несуразный», «ситный», «сито», «кутья», «гак» («с гаком»), «рать», «рота», «рита», «шамать», «шаман», «шущун», «вена», «пуга», «год», «май», «куранты», «курсор», «курган», «холм» (*кельм* от *коло* – круглый), «чертог», «навь»; «Калка», «Каяла», «Сафат-река», «Сура», «Кама», «Амур» (у нас больше известные как названия рек) и других. Многие языковеды и не догадываются, что приведенные слова – отмифологические, укоренено-русские, а иные общеиндоевропейские с санскритскими корнями.

Это все интересные подробности, из которых славянская мифология и состоит. Но многие не знают не только подробностей, но даже наиболее важных направлений верований древних славян. Например, того, что авраамические новейшие религии и буддизм (примерно того же периода), говоря современным языком, представляют собой «биографии» и идеологию одного человека или человекобога (Христа, Магомета, Будды). А дохристианская вера индоевропейцев, в том числе и славян, как их части, космоцентрична, включает весь космос, природу и человека как часть их. И не надо забывать о **равночтимых «двух путях»** дохристианской **веры в богов и предков**. В то время как, например, христианский интернационал изначально предлагал предков «опустить», «забыть», верить только в Христа. Лишь упорному вековому сопротивлению простых людей удалось отстоять поминание в церквях умерших, поминание едой – тоже дохристианский обычай. Отсюда происходит непонимание самого существа предмета. Без знаний и глубокого религиозного чувства не постичь традиционной мудрости наших предков. Надо старых богов, а это, как правило, еще и предки наши, освободить от клеветы и наветов позднейших политических эпох. Деисториософизированный человек, человек, из которого вытравлено все историческое, в котором погашен «огонь истории», – цель современных глобалистов, ибо таким человеком легче управлять. Легче управлять потребителем и обществом потребителей (потребоман вненацио-

нален, он – антигражданин), для которых показатель устраивающей их жизни не ценности предков (сейчас говорят даже о «болезни ценностей») – этичность поведения, духовность, жертвенность, ответственность, а иерархия потребностей: легконагуливаемый жирок, дешевый алкоголь, доступные наркотики, отсутствие принуждения к труду и смысла труда, криминальная вольница и вседозволенность, приобщение к низкой, будничной, но праздничности.

У каждого человека есть языковая и смысловая генетическая память, в которой «записаны» основные понятия самосознания предыдущих поколений. Нынче современная волновая генетика объясняет, как из поколения в поколение передаются высшие человеческие способности, записанные на молекулах наследственности ДНК. Слово – универсальный способ фиксации духовного состояния общества. В нас сокрыты и всегда находятся те слова, понятия, которые проносили наши предки в разговорах, песнях, молитвах, заклинаниях, загадках и прочем. Когда эти понятия «вспоминаются», развиваются, поддерживаются – человек живет по законам предков, находит свое предназначение на земле и передает опыт потомкам. И наоборот, если он пытается заглушить эту память неестественным образом жизни, то его наследственные способности сворачиваются, он деградирует, ухудшает наследственные программы своего народа.

Эта опасность «живет» рядом с русским человеком давно: все последнее тысячелетие и особенно – последнее сто-

ление. В России уже много лет внутренние и внешние интернациональные силы пытаются лишить народ основополагающих понятий, которые хранятся в памяти предков, тем самым обрекая русский народ (а с ним неизбежно и другие народы России) на вырождение и ассимиляцию. Из истории, литературы, учебников, СМИ, вообще из обращения изъяты некоторые понятия, формирующие, поддерживающие национальное самосознание. В древности это были идеи служения Богу, предкам-потомкам, традициям, природе (рациональное хозяйствование; например, в русских деревнях никогда не было свалок-мусорок, канализации, не потому, что люди были отсталые, а потому, что этого не требовалось: все отходы шли на корм животным, топку, удобрения; не было излишков товаров, а значит планирование оказывалось идеальным). В итоге поколения и поколения оказались в чужой идеологической, а частично и языковой среде, в чужом обществе. Русские люди живут в постоянном конфликте с окружающей действительностью и с самими собой: в них заложено одно, а кругом происходит совершенно другое, к которому они не могут приспособиться или не могут приспособиться без потерь.

Не меньший стресс вызывает и то, что русские иногда не узнают себя в своих потомках. Кроме того, что детей рождается мало, – сознание этих детей растерзано чужими и чуждыми ценностями. Такой конфликт подрывает здоровье и духовные силы людей, провоцирует болезни, преждевремен-

ную смерть. Нравственный кризис в обществе обширный и затяжной. При этом чаще говорят о плохой экологии, имея в виду природную окружающую среду (что верно, но лишь частично); в первую очередь отравлена среда обитания духа; искажено или вовсе заблокировано информационное пространство. Благодатная «рука» культуры предков перестала полагаться прямо на головы потомков, передавая таким рукоположением нематериальные ценности духовных накоплений многих поколений.

Конфликт этот по-своему переживают и люди младшего поколения. Их наследственные программы подавлены средствами массового оболванивания. Поэтому они тоже испытывают стресс, но на подсознательном уровне. Они беззащитны против фальшивок, соблазнов нынешней обстановки, легко поддаются на примитивные приманки, начинают предаваться смертельно опасным удовольствиям – моде на жестокость, наркомании, пьянству, разврату, жажде обогащения любой ценой, впадают в компьютерную, игровую зависимость. Нарушая заветы предков, молодые люди невольно попадают под проклятие, начинают уничтожать самих себя. Как следствие – на современных кладбищах все больше могил молодежи; могилами наших девушек, проданных в рабство, усеяны кладбища многих стран мира. Нельзя безнаказанно предавать веру, культуру, традиции предков. Надо постараться понять и принять наших праотцов такими, какими они были; вернее, какими бы они ни были: славными

своими деяниями и прозрениями или запятнанным позором (разные люди к такому позору относят то междоусобные войны, то «кровожадность» жертвоприношений или что-либо другое, однако не более худшее, чем мы видим в современном мире). Без них не было бы нас. Надо помнить об этом и не отрекаться от праотцов. Это недостойно потомков основателей великих цивилизаций индоевропейцев. Предки неподсудны. Надо гордиться одними и стараться искупить ошибки других, при этом не теряя прочной связи с корнями. Один из многих способов достижения этого – хранить родословную (знать, хоть в какойто доступной мере, генеалогическое древо), не быть Иванами, не помнящими родства.

Исследования этнопсихологов последних лет показали: чуждая культурная среда (например, англоязычная: ранние – раньше пятого класса – уроки английского, песни на чужом языке, компьютерные команды и так далее) угнетающе действует на все способности ребенка, даже на его физиологическое развитие. Пример можно привести из жизни русских эмигрантов первой волны (воспитанных на родине). Они и за рубежом прославили свое имя, среди них было много талантов и даже гениев, но их дети, внуки, выросшие в чуждой среде? Где они, где их таланты? Видно, что род русских эмигрантов деградирует и растворяется в чужой языковой и культурной среде. Выходит, предательство (хотя бы и не по своей вине) веры, традиций, памяти предков неизбежно делает человека глупым, болезненным, малодушным. И наобо-

рот, следование заветам предков полезно для здоровья, ума и души, высокого интеллекта, нравственной чистоты, жизненного успеха, для потомства. Это известно тысячи лет: «чти отца и мать твою, да благо ти будет и долголетен ти будешь на земли».

Чаяния мои понятны: надо стереть пыль и «засиженные» вредоносными «насекомыми» – идеологами последних эпох – места в индоевропейской и славянской мифологии – слое древнейшей истории человечества. Эта история спрессовалась в сознании (и подсознании) наших пращуров, своим давлением сгустив, спрессовав и тысячелетия – время долгопротекавшее (в отличие от нынешнего летящего времени). Действия мифов удалены на труднодоступный период времени. От этого они не перестали существовать.

Герои древних мифов удивительны – они боги, родня богов; они наказывающие; они прощающие, милосердные, помогающие. И вместе со всеми они испытывают неумолимые законы судеб, законы космоса, законы Бога-создателя. Как всю эту необъятность постичь нам с нашим нынешним усредненным сознанием? Как восстановить величие мировоззрения предков? Как извращать экологию духа, вернуть любовь и благодать космоса и природы человеку? Как восстановить национальное самоуважение и внутриэтническую консолидацию славян, русских?

Надо приняться за серьезные исследования славянской цивилизации и культуры от их истоков, принеся этой идее

нашу глубокую симпатию. Мы должны отказаться от мнимой свободы, не знающей границ и изъятой из всякой органичной связанности, связав ее ярчайшим смыслом существования человека в цепи поколений своего рода и народа, снимающего собой всю необъятность Вселенной. В религиозном отношении сейчас мы остаемся во многом слугами чужих идеалов. Глубочайший родник нашей сущности настолько замутился, что все размышления, даже в независимых умах, почти никогда не достигают истинной ясности, доверенности и творческой силы национальной глубины. Сложность в это добавляет непростая абстрактная, космоцентричная древняя религия славян.

Множество древних книг, записей, надписей индоевропейских народов не переведены на русский язык или переведены через посредства других языков (как, например, «Упанишады»), или переведены не славянами, людьми с другим сознанием, иногда враждебным, иногда безразличным, холодным. Надо собрать древние знания по векам и народам, перевести это богатство на русский. Недостающие утраченные фрагменты славянской веры можно и нужно **реконструировать**. Мы восстанавливаем по фрагментам костей облик динозавров, живших 170 миллионов лет назад, можем восстановить и прошлый славянский мир.

Предки оставили нам все: и древнейший на земле язык, и веру, и культуру, основы нравственного сознания (совесть).

Надо только всмотреться в начертания, вслушаться в зву-

ки коренных, родных слов, в смысл дошедших до нас речений. При внимательном рассмотрении археологических находок, трудов наших поэтов, ученых, искусствоведов мы все увидим, услышим, поймем, испытав чувство поражающей новизны. Все откроется, как цветок папоротника в купальскую ночь. «Золотой век» угадывается нами не в прошлом, он отчетливо виден в будущем, при условии немалого труда по возрождению нового человека, который способен будет решать проблемы, выдвигаемые перед ним грядущей историей. Ценности прародины и древних предков должны стать для нас абсолютным центром отсчета, а все синтетические чужеродные эрзацы уйти в небытие.

Александра Баженова

Список основных сокращений, принятых в словаре

авест. – авестийский

акад. – академик

АН – Академия наук

аккад. – аккадский

англ. – английский

араб. – арабский

Арханг. – Архангельская область

Афан. – Афанасьев А.Н.

балк. – балканский

балт. – балтийский, балты

бас. – бассейн

Белор. – Белоруссия

блр. – белорусский, белорусы

бескид. – бескидский

болг. – болгарский, болгары

б. ч. – большая часть, большей частью

босн. – боснийцы, боснийский

букв. – буквально

вар. – вариант

вед. – ведийский

в., вв. – век, века

верх. — верхний

в. — луж. — верхнелужицкий

в. — полесск. — верхнеполесский

визант., Визант. — византийский, Византия

в кр. — в крещении

возв. — возвышенный, возвышенность

В. — восток

вост. — восточный

втор. — вторая, второй

вып. — выпуск

выс. — высота

вят. — вятский, — кие

га — гектар

Герм. — Германия

герм. — германский

г. — год

гг. — годы

гл. — глава, главный

гор. — город, города

гос-во — государство

грек. — греки

греч. — греческий

гр. — группа

губ. — губерния

дл. — длина

дом. — домашний

драг. – драгоценный

др. – греч. – древнегреческий

др. – инд. – древнеиндийский

др. – перс. – древнеперсидский

др. – прусск. – древнепрусский

др. – русск. – древнерусский

древ. – древний, древнейший, древность

Др. мир – Древний мир

Др. Греция – Древняя Греция

Др. Русь – Древняя Русь

др. – другой, другие

евр. – еврейский

европ. – европейский

егип. – египетский, египтяне

ед. – единица

ед.ч. – единственное число

еп. – епископ

ж. – журнал

зал. – залив

зап. – западный

изд. – издательство

инд. – индийский

и.-е. – индоевропейский

ир. – иранский, иранцы

ист. – история, исторический

ит. – итальянский, итальянцы

кв. — квадратный

кг — килограмм

км — километр

кн. — князь, княгиня, княжеский, княжество

ковен. — ковенский

кол-во — количество

кон. — конец

коп. — копеек

куб. — кубический

лат. — латинский

лтш. — латышский

л. — лет

лет. — летопись

лит. — литовский, литовцы

л. — лицо (1-е лицо и т. д.)

мес. — месяц

м — метр

мІ — метр квадратный

мг — миллиграмм

млрд. — миллиард

млн. — миллион, миллионов, миллионы

мл. — младший

мифич. — мифический

мифол. — мифология, мифологический

мн. — много, многие, множество

мн.ч. — множественное число

м. б. – может быть

м. – море

мт. – митрополит

назв. – название

нач. – начало

н. э. – наша эра

нем. – немецкий, немцы

н. – луж. – нижнелужицкий

ниж. – нижний

обл. – область

обр. – образовано, образовалось

оз. – озеро

ок. – около

окр. – окрестность

опред. – определенный

осн. – основной

о., о-ва – остров, острова

отд. – отдельный

отн. – относится, относящийся, отношения

перв. – первый

перен. – в переносном смысле, перенесенный

перс. – персидский

пл. – площадь

полаб. – полабский

полесск. – полесский

пол. – половина

п-ов – полуостров
польск. – польский
пос. – поселок
проч. – прочий
прусск. – прусский
разл. – различные
р-н – район
р., рр. – река, реки
рим. – римский (-кие, – кая, – кое), римляне
род. п. – родительный падеж
рукоп. – рукопись, рукописи
русск. – русский, русские
санскр. – санскрит, санскритский
см – сантиметр
сб. – сборник
С. – север
сев. – северный
С.-З. – северо-запад
С.-В. – северо-восток
с. – село
серб. – сербы, сербский
сербохорв. – сербохорватский
сер. – середина
сканд. – скандинавский
слав. – славянский, славяне
слвц. – словацкий

словен. – словенский

см. – смотри

совр. – современный

сост. – составитель

соч. – сочинение, сочинения

ср. – сравни

ср. – век. – средневековый

среднеперс. – среднеперсидский

средн. – средний

Срезн. – Срезневский

ст. – слав. – старославянский

ст.ст. – старый стиль

ст. – статья

с.-х. – сельскохозяйственный

т. д. – так далее

т. о. – таким образом

т. к. – так как

т. н. – так называемый

терр. – территория

т. е. – то есть

т., тт. – том, тома

т. п. – тому подобный

т – тонн

тыс. – тысяча, тысячелетие

у. – уезд

ук. – указанный, указание, указывает, указано

Укр. – Украина

укр. – украинский

ул. – улица

уп. – упоминается, упоминание

франц. – французский

хет. – хеттский

хорв. – хорватский

христ. – христианин, христианство, христианский

хр. – хроника

центр. – центральный (-ная, – ное)

ч. – часть, частично

четв. – четверть

чех. – чехи

чеш. – чешский

шир. – ширина

энц. – энциклопедия

Ю. – юг

Ю.-В. – юго-восток

Ю.-З. – юго-запад

юж. – южный, южнее

юж. – слав. – южнославянский

яз. – язык

Реконструкция славянской мифологии по индоевропейским источникам

Словарь

А

АВЕСТА – одна из древнейших книг и.-е. (а конкретно – ир. ариев, чья прародина, вместе с индо-славянами, была вначале в Приполярье, с наступлением ледников перекочевала на материковые евразийские просторы. Там, широко расселившись и прожив несколько тыс. лет, потомки ариев создали Персидское, а затем Иранское государства). А. написана на терр. России и этим особенно ценна для нас; интересна не столько религиозным учением Зороастра (среди русск. и слав. оно не популярно и почти не известно), сколько находящимися в ней сведениями об общей прародине и.е.; пути их от Сев. Ледовитого океана до истоков Волги и евразийской степной полосы; о мировоззрении родственников наших пращуров; о системе их ценностей. Хотя гл. священные книги индо-славов – **веды**, их знание для нас особенно цен-

но, но и с А. необходимо познакомиться, тем более что она поражает богатством яз. и возвышенностью мыслей.

Слово «авеста» значит «первая весть (Бога)», «перво-весть»; есть и др. варианты перевода: «первичное знание»; «белая весть»; «идущий впереди (на острие зари)»; «ведущий к солнцу, к свету, к дню». Изначально А. – собрание священных книг арийца по происхождению Зороостра (острый взором; ясно видящий; видящий далекое; видящий глубокое; видящий невидимое для др.) или (в ир. транскрипции) Заратустры, жившего в кон. VII – нач. VI вв. до н. э. в г. Гдани или Гедани Бактрийской, а родившегося или на Юж. Волге (мнения исследователей расходятся), или на Юж. Урале, недалеко от того места, где обнаружен древ. г. Аркаим. Вместе с Зороостром и его продолжателями книга составлялась в теч. VII в. до н. э. – IV в. н. э. Сохранилась лишь небольшая ч. А. Ее большая ч. (записанная на бычьих шкурах) погибла во время македонского и арабского завоеваний Ближнего Вост. Яз. А. собрал несколько древ. языковых пластов. На более древ. записаны гимны – гаты (автором их считается Зороостр). Согласно преданию, до гибели А. состояла из 21 ч. («наск»), 7 из которых излагали происхождение мира, историю человеческого рода (белого человека; др. А. не знала); 7 – перечисляли предписания морали, гражданские законы, религиозные обязанности; 7 – представляли собой трактаты по медицине, астрономии. При Аршакидах (250 до н. э. – 224 н. э.) А. начали восстанавливать,

собранные отрывки объединять, дополнять новым материалом; процесс собирания, реконструкции был завершен при Сасанидах (III–IV вв.). В результате вторичная полная А. составила из 3 книг на авест. яз. и 1 книги на пехлевийском яз.; книга «Яшт» иногда шла отдельно, а порой включалась в «Младшую А.».

Первая книга А. (второй редакции) **«Вендидад»** (закон против дэвов) состоит из 22 гл. («фаргардов», или «фрагардов»). Первые две гл. содержат мифол. материал, не имеющий общего с содержанием «Вендидада». Они представляют остатки древ. эпической и космогонической поэзии. Первая гл. – по существу маленькая географическая поэма, повествующая о 16 странах арийцев под общим названием «Ариан Вайджа» – Арийский простор, – по которым странствовали и где жили протоиндоевропейцы, в т. ч. и ир. арьи. Вторая гл. – миф об Ййме – основателе цивилизации (вариант ир. арьев; у инд. арьев это Яма). Дальше – кодекс моральных, гражданских, религиозных предписаний. В основании «Вендидад» – свод законов очищения. 13 и 14 гл. о собаке – священном животном ир.; есть гл., посвященная петуху. Три гл. (мифол. характера и о происхождении медицины) включены в кон. книги.

Вторая книга А. – **«Висперед»** (познание всего; «виспе» – все) делится на ч. («карде»), их 25 (по др. интерпретациям – 23, 24, 26). В них описываются владыки различных обл. бытия; качества женщины; характеристика спра-

ведливого человека; молитва к Богу, который знает будущее; к первой чистой мысли; к уму, который всеведущ; к земле; к солнцу.

Третья книга А. – «**Ясна**» (моление). Важнейшими в ней являются «гаты» Зороастра. «Ясна» состоит из 72 гл., в т. ч. 17 гат. Здесь гл. литургические обращения к богам: молитва властелину природы и творцу всей чистой природы; богу, который повелевает мыслить, говорить и делать благое; похвала слову, существовавшему раньше всего бытия; призыв быть твердым в добре; молитвы духам предков; огню; воде; о моральных обязательствах; о загробной жизни, восхваление души быка; «воплъ души коров»; призыв к морю Ворукашта, всем водам, источникам и т. д. Название молитвы «Символ веры» позднее взято христ., молитва с этим названием (но содержание ее др.) стала гл. при крестильном обряде. Взяли христ. отсюда мысль: вначале было слово. Потому что в РВ, созданной раньше А., – вначале была мысль, воплощенная силой жара, а слово появилось вместе с теми, кто умел говорить, – с людьми. Из сюжетов А. о загробной жизни христ. взято представление об аде. В РВ и в древ. вере индо-славов смерти нет, есть преображение.

Четвертая книга А. – «**Яшт**» (почитания). Некоторые «яшты» древнее «гат». 22 хвалебных гимна, посвященных различным божествам, содержат особенно много мифол. элементов. Здесь же судьба души после смерти. «Яшт» иногда включается в «Младшую А.».

Пятая книга – «**Младшая А.**» – включает в себе религиозное учение, молитвы, установления культа, а также философию и науку – космогонию, астрономию, медицину, историю, мораль и право. Кроме молитв, здесь гимны, благословения, тридцатидневники – длинные реестры всех почитаемых богов и духов для 30 дней солнечного месяца; жреческие кодексы; собрания цитат авестийской и пехлевийской литературы. Поздние толкования А. («зенда») написаны на среднеперсидском (пехлевийском) яз.

Ч. А. (более древ.) сохранилась в устной передаче, впервые записана на арамейском алфавите, затем для нее изобретен специальный алфавит (I в. н. э.). Тщательного изучения А. в России, особенно в сравнении с культурами, мифологией и яз. др. и.-е. народов, не производилось.

АВОСЬ И НЕБОСЬ – духи судьбы. Русск. надеются на А. и Н. в самых разнообразных, как роковых, судьбоносных, так и мелких бытовых случаях. Мн. поговорок, пословиц отразили необыкновенную надежду на эти загадочные понятия, чаяния к ним: «Авось живы будем», «Авось не помрем», «Авось одолеем (преодолеем)», «Авось сделаем (что-либо)», «Надейся на авось», «Надейся на русское авось», «Вывезет и авоська, да не знаю куда», «Надейся на авось, вывезет, небось», «Небось, успеем», «Небось, увидим (-ся)», «Небось, узнаем», «Небось, поймем», «Небось, любим», «Небось, выживем», «Авось – вся надежда наша», «Вся надежда на авось», «Авось Бог поможет!», «Русак на

авось и возрос», «Авось – не Бог, а с полбога есть» и т. д., ряд можно продолжить. Многие – увы! – не знают, на что они надеются, на чью помощь, продолжая при этом интуитивно из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие уповать на А. и Н. Остается только удивляться, сколь притягательны и мощны эти древ. понятия! Видно помогают людям, иначе не было бы столько о них пословиц.

Первая ч. слова «авось» («ав») близка к санскр. «аватара». «Ав» – святость. Кроме этого, означает *способствовать, насыщать, защищать, желать, любить, питать благосклонность*. «Тара» – звезда, земля в смысле твердого тела – тверди, терр. Лат. «терра» – земля. Плюс «ось» земная, как опора, стержень бытия. Ось незримая – точка (канал, путь) нисхождения Божественной энергии через каждого из нас. Н. – неба ось (небесная ось) – нисхождение небесной благодати на землю и на каждого из нас.

Нравственная чистота, подвижнический труд, добродетели притягивают божественную энергию. Говорят: «Кто авосьничает, тот и постничает». Не только свой духовный канал (ось, ось небесную) человек должен содержать в порядке, но и тело – земной аккумулятор, сам приемник. В народе есть поговорки, намекающие на это: «Авось с небосем водились, да в яму свалились» (т. е. земная ч. канала – оси – не соответствовала небесной, оказалась просто ямой, дырой, чем-то худым), «Держалась авоська за небоську, да оба упали», «Тянули авоська с небоськой, да жилы надорвали» –

это примерно о том же. В поговорке «Наше авось не с дуба сорвалось» подчеркивается неземное происхождение энергии или духовной помощи, дающей человеку в моменты трудных испытаний, и ее древ. (старше долгоживущего дуба), вечность. В формулах: «С авоськи ни письма, ни записки», «Авосевы города не горожены» – намек на качество божественной энергии или благодати, ее невидимость, тонкую структуру, а также непредсказуемость ее поведения. В поговорке «Авоська веревку вьет, небоська – петлю» имеется в виду: только на одни А. и Н. будешь надеяться, тоже ничего путного не выйдет. Видимо, А. и Н. не так уж будничны, повсеместны: помогают человеку лишь в неожиданно критических ситуациях и не каждому. Выражение «Держись за авось, пока не сорвалось» призывает держать удачу в своих руках, умело распоряжаясь небесными дарами, дающимися человеку в виде энергетической подпитки, духовной благодати, догадки, провидения, творческого импульса. «Пока авось не сорвалось» – удача, здоровые силы человека не покидают. В «Авесте» есть воплощение удачи Аша, Аша Вахишта, моральный закон мироздания, овеществленный в свете и огне (субстанции вполне космические). Безусловно, А. и Н. в русск. сознании ассоциируются с судьбой, долей, участью, удачей. А. и Н. встречаются в русск. сказках в связи со счастливым случаем, везением. Да помогут нам авось и небось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.